

ISSN 0869—4788

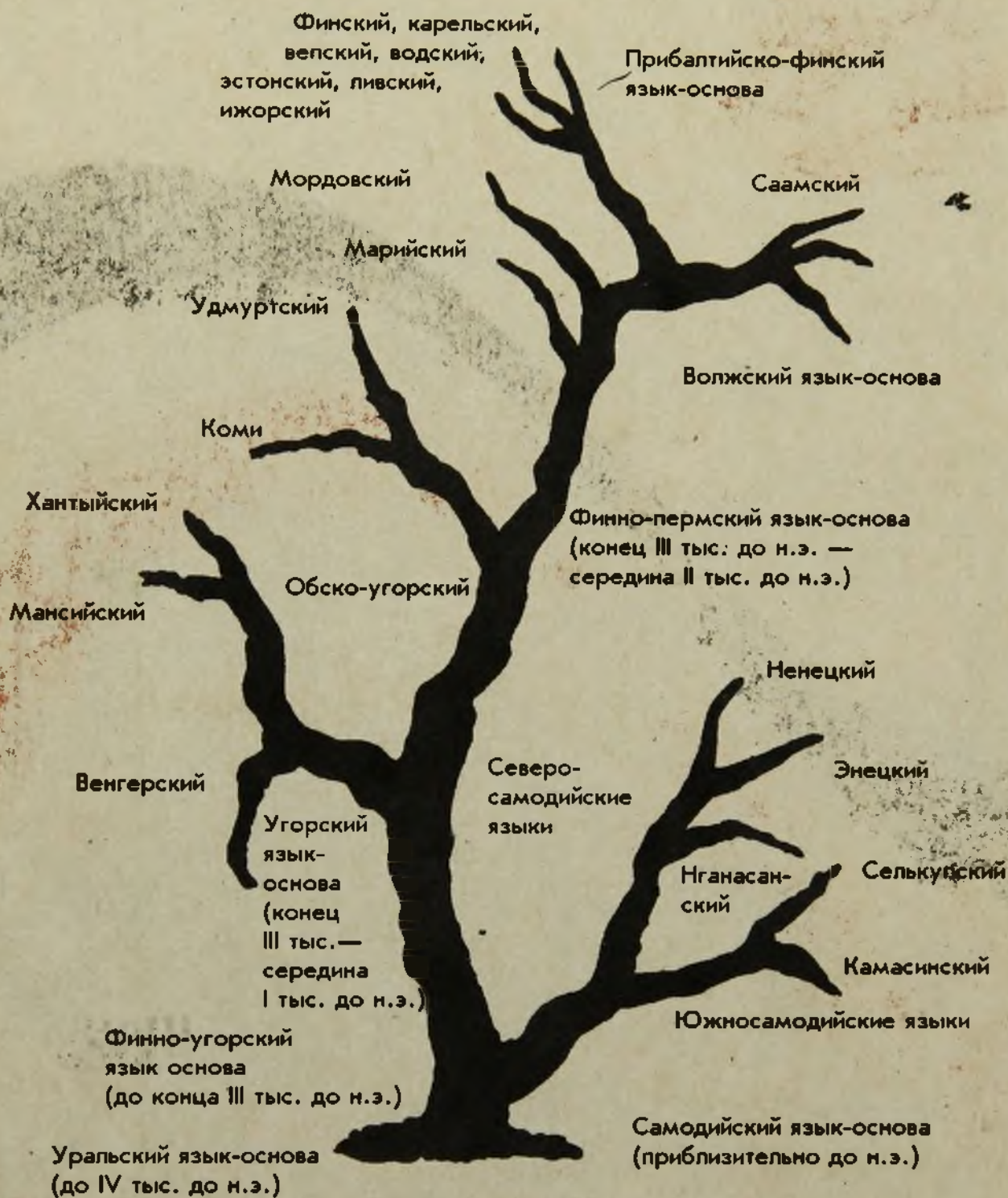

ИЮНЬ

ЮЗРА

6⁹³

Родословное дерево уральских языков

Родословное дерево уральских языков Микко Корхонена.
Хельсинки, 1981 г. Русский текст канд. филолог. наук Е.И. Ромбандеевой

«ЮГРА»
№ 6 (20), июнь 1993 г.

Издается с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К.Белобородов
(редактор),
Н.И.Коняев
(ответственный секретарь),
Л.В.Лушай,
Т.А.Молданова,
Ю.С.Хозяинов.

Адрес редакции: 626200,
г.Ханты-Мансийск,
ул. К. Маркса,14.
Телефон редакции: 4-12-25.

Журнал зарегистрирован регио-
нальной инспекцией по защите
свободы печати и массовой ин-
формации при мининформпеча-
ти Российской Федерации.
Свидетельство № Е-0254.

Подписаться на журнал
можно с любого номера
в местном отделении связи.

Сдано в набор 15.05.93 г.
Подписано к печати 4.06.93 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 3,8. Уч.изд.л.4,48.
Тираж 2500 экз. Заказ 18 23
Цена 10 руб.,
в розницу — свободная.

Оригинал-макет подготовлен
Ханты-Мансийской окружной
типографией.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть» управ-
ления печати и массовой инфор-
мации администрации Курганской
области. 641800, г.Шадринск,
ул.Спартака, 6.

Историко-культурный журнал

Учредители — администрация Ханты-
Мансийского автономного округа,
нефтяные акционерные компании
«Аки-Отыр» и «Югранефть».

В номере:

А. Филипенко. Фестиваль — это еще и работа	2
Из конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах	2
Е. Ромбандеева. Значение фольклора	6
И. Болотов. Живопись малочисленных народов Российского Севера.	10
В автономных округах России	18
Н. Чесноков. Северный этнос и экология ..	19
Т. Пуртова. Мы — один мир	22
А. Кузнецов. Варовая пора	23
Тобольские губернские ведомости	26
Г. Тимофеев. Сибирский шаманизм и христианство	27
Е. Бородихина. О моем отце	30
И. Гладкий. Из дневника	31
М. Вахрушева. Деревня на острове	36
Ю. Вэлла. Стихи	38
Т. Молданова. В гнездышке одиноком. Окончание	39
П. Лопарев. Мифология остяков и самоедов	44
Сбор ясака. Легенда	52
М. Заплатин. Легенда о горе Лунтхусапсяхл	54
Старинная «Куренька»	56
Говорите по-мансийски	58
А. Заев. Топонимический словарь Югры ...	59
А. Конькова. Мансийская кухня в жаркие дни лета.	60
С. Лукин. Из старого — новое	61
Ю. Гордеев. Буроголовая гаичка	62

24 июня - 3 июля - IV
Международный фольклорный
фестиваль финно-угорских народов
**Фестиваль - это еще
и работа**

По решению Правления Международного Финно-Угорского Фонда с 24 июня по 3 июля 1993 года Международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов будет проводиться на территории Ханты-Мансийского округа. На гостеприимной земле древней Югры соберутся представители многочисленной семьи финно-угорских народов. О том, как идет подготовка к фестивалю, что от него можно ждать жителям округа, с чем приедут участники, среди которых не только фольклорные коллективы, но и представители государственных, общественных и хозяйственных организаций, рассказывает Глава Администрации Ханты-Мансийского автономного округа, председатель оргкомитета фестиваля Александр Васильевич Филипенко.

- В наш округ многих судьба забросила случайно. И немногие задумывались о том, что это за место, где они живут. Но вот сейчас, когда Ханты-Мансийск избран местом проведения финно-угорского фестиваля, я думаю, многие стали интересоваться судьбой и историей своего края. Это очень важно сегодня. Конечно, с точки зрения сегодняшнего понимания таких событий само слово фестиваль воспринимается неадекватно. Но мне думается, что первое и главное, о чем надо бы договориться, что это нужно в любое время, ну, а если говорить о более широком смысле предстоящего события, он, на мой взгляд, включает много аспектов.

Безусловно, это одно из средств возрождения и сохранения культуры. Культуры древней, самобытной и, к сожалению, забываемой. И поэтому фестиваль мы рассматриваем как возможность вспомнить, кого-то приобщить, кого-то научить. Дать возможность людям не только на одном патриотизме, а при серьезной финансовой поддержке вспомнить исконное рукоделие, вспомнить и заняться традиционными промыслами, вспомнить, в конце концов, свои

НАША СПРАВКА

Из Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. (Принята Генеральной конференцией Международной организации труда в июне 1989 года).

Статья 1

1. Настоящая Конвенция распространяется:

а) на народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством;

б) на народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.

Статья 7

1. Соответствующие народы имеют право решать вопрос выбора собственных приоритетов для процесса

песни и танцы. С одной стороны, поддержать тех, кто этим занимается, и с другой — процесс возрождения интенсифицировать, воспользоваться новыми приливами. А если еще и ввести в традицию аналогичные события, мне думается, тогда мы получим твердую основу движения вперед. Именно национальной культуры. Это и поддержка очень многим. Подготовкой к фестивалю заняты многие мастера. Они готовят костюмы, сувениры, традиционные изделия своих народов. Тут я как раз говорю о двух аспектах: о прагматичном — дать человеку заработать, и о втором — сохранить это умение. Фестиваль — это и серьезнейший разговор о судьбе финно-угорских народов. О том, как и куда дальше двигаться. В таком разговоре заинтересованность огромная всех финно-угров. Буквально вчера пришла телеграмма от Финно-Угорского Фонда, где администрацию благодарят за работу, которую она взяла на себя.

— Александр Васильевич, известно, что гостей встречать — хлопотное дело, ну, а тут у нас собирается очень много гостей, наверняка, не зря благодарят вас за то, что наш округ взвалил на себя такую ношу?

— Если быть до конца откровенным, я, например, долго не раздумывал, когда от Фонда Финно-Угорских народов поступило предложение провести фестиваль в Ханты-Мансийске, потому что и свою корысть в этом вижу. Какая это корысть? Да, конечно, у меня были мысли о привлечении каких-то дополнительных ресурсов. В округе у нас все города и районы откликнулись, многие предприятия. Я им весьма благодарен. Ряд иностранных фирм тоже принимают посильное участие в подготовке к фестивалю, главным образом в финансировании мероприятий.

И корысть моя все-таки достигает цели. Как и положено каждому приличному хозяину, мы сможем какой-то порядок у себя навести. И обустроить места проведения. А география очень широкая — от Сургута до Березова. И решить какие-то до сих пор нерешенные вопросы. С созданием досуговых центров, с обустройством населенных пунктов, где будут проходить мероприятия: это Березово, Октябрьское, Шеркапы, Кышик и т. д.

Я должен отметить еще одну особенность. Она связана с тем, что и в Сургуте, и в Березове фестиваль совпадает с 400-летием этих населенных пунктов. В Нефтеюганске планируется традиционный день города. Здесь много совмещений. Еще один аспект. Мы хотели бы в ходе этого крупного мероприятия привлечь внимание многих к тем возможностям, которыми располагает округ. И здесь я говорю уже о той части программы, которую мы называем деловой. В рамках этой части будет и выставка-ярмарка в Сургуте, и аукцион в Ханты-Мансийске, и работа деловых бизнес-клубов. Мы уже получили много заявок от иностранных компаний, отечественных крупных компаний. Они могут показать и свои способности, и посмотреть наш потенциал. А задача администрации — как раз совместить чьи-то возможности с нашим потенциалом, чтобы реализовать этот потенциал.

развития в той мере, в какой он затрагивает их жизнь, их верования, институты, духовное благополучие и земли, которые они занимают или используют каким-либо иным образом, и право осуществлять контроль, по мере возможности, за собственным экономическим, социальным и культурным развитием. Кроме того, они участвуют в подготовке, осуществлении и оценке планов и программ национального и регионального развития, которые могут непосредственно их касаться.

Статья 13

1. При применении положений данного раздела Конвенции правительства учитывают особую важность для культуры и духовных ценностей соответствующих народов их связи с землями или территориями — или с тем и другим, в зависимости от обстоятельств, — которые они занимают или используют другим образом, и в особенности важность коллективных аспектов этой связи.

Статья 15

2. В случаях, когда государство сохраняет за собой собственность на минеральные ресурсы или ресурсы земных недр, или права на другие ресурсы, относящиеся к землям, правительства устанавливают процедуры или обеспечивают сохранение процедур, посредством которых они проводят консультации с указанными народами с целью выяснения, наносится ли, и в какой степени, ущерб интересам этих народов — до начала осуществления или до выдачи разрешения на осуществление любых программ по разведке или эксплуатации таких ресурсов,

Весь ход подготовки к фестивалю мы увязываем с тем, что он проходит в год малочисленных народов, поэтому для нас весьма важно ориентироваться не только на собственно проведение фестиваля, но и сделать максимально возможное для улучшения жизни малочисленных народов. В этом плане мы разработали очень серьезную программу, которая касается всех сторон жизни аборигенного населения, этнических аспектов жизни ханты и манси, поддержки всего, что связано с традиционными отраслями. Хотелось бы, чтобы фестиваль стал хотя бы промежуточным итогом и оценкой того, что мы пытаемся сделать.

— Какие средства выделены на подготовку к фестивалю? И ожидаем ли мы какую-то прибыль?

— Прогнозы строить рано. Мы по сути потратили на подготовку к фестивалю около миллиарда рублей. Но я абсолютно уверен в правоте тех подходов, которые мы сделали. Мы готовы отчитаться, рассказать обо всем, что делается, что останется людям. А вот те действительно невеликие затраты, которые идут на фестиваль, на прием гостей, на какие-то мероприятия, это, безусловно, оправдается и окупится. Есть у нас идеи, которые позволят за счет спонсорских денег и коммерческих мероприятий процентов на 80 все окупить. Да, это сопряжено с большими работами, с большими затратами. Но духовные ценности, духовная культура в связи с подготовкой и проведением фестиваля обретут качественно новый уровень.

— Вы часто проводите совещания, собрания координационного совета, собираются люди, которые принимают непосредственное участие к подготовке к фестивалю. В ходе таких совещаний вы не чувствуете, что мы слишком расточительны или, наоборот, скупы?

— Я бы так ответил: много денег не бывает. Вот проблем действительно много. И важно, как эффективно распорядиться деньгами. И достаточно скоро, оперативно. Мы же готовимся меньше года. Для того, чтобы построить что-то серьезное — срок короткий. Но мы планируем сделать очень многое. Во всяком случае, по сравнению с теми темпами, которые наблюдались в прошлом и позапрошлом году. Я надеюсь, что подготовим город к главному празднику, так же как готовятся березяне, сургутяне. Но главный праздник здесь. На Ханты-Мансийске особая ответственность. И у меня есть некая надежда — вдруг привыкнем. И будем работать так, как в ходе подготовки к этому фестивалю, и смотришь, через несколько лет будет у нас и поухожнее, и поуютнее. И надо, самое главное, привить вкус к этой работе.

Если вы пообщаетесь с канадцами, американцами, которые знают толк в нефтяном бизнесе, увидите, что они не представляют себе, как могут Сургут и Ханты-Мансийск находиться в таком состоянии. Столица Альберты лет 30 назад приблизительно напоминала Ханты-Мансийск. Когда-то чаша весов склонилась в пользу этой провинции, и сегодня столица Альберты — великолепный город. Еще раз подчеркиваю, что я оптимист весьма взвешенный, со здоровым скепсисом. Для меня важно, что мы все могли бы здесь запустить какие-то реальные механизмы и начать это делать.

относящихся к их землям. По мере возможности, соответствующие народы участвуют в результатах такой деятельности и получают справедливую компенсацию за любой ущерб, который может быть причинен им вследствие такой деятельности.

Статья 16

2. Если переселение указанных народов считается необходимым в виде исключительной меры, такое переселение имеет место только при наличии их свободного и сознательного согласия. При невозможности получить их согласие такое переселение имеет место только в соответствии с установленными национальными законами должными процедурами, включая, при необходимости, официальные расследования, предоставляющими соответствующим народам возможность эффективного представительства.

Статья 23

1. Кустарные промыслы, сельские и общинные производства, а также виды деятельности, обеспечивающие средства существования, и традиционные виды деятельности соответствующих народов, такие как охота, рыболовство, звероловство и собирательство, получают признание в качестве важных факторов сохранения их культуры, их экономической самостоятельности и развития. Правительства, при участии этих народов, в необходимых случаях обеспечивают развитие таких видов деятельности и содействие им.

— Все делается по сценарию и сценарий был, очевидно, одобрен какой-то представительной комиссией. Но вот сейчас со всем ли вы согласны, и все ли вас устраивает?

— Я не берусь оценивать сценарий. Есть концепция. Мне думается, самое лучшее, что могли бы сделать в фольклорной части — это создать условия, максимально приближенные к природным. Конечно, мы должны обеспечить необходимыми сервисными услугами. Надеюсь, что сам финал праздника, который будет проходить в Долине ручьев и предполагает возможность неформального общения, должен иметь достаточно напряженный ритм, но не принуждающий человека. Как минимум, треть гостей будет иметь возможность из Сургута до Ханты-Мансийска и из Березова до Ханты-Мансийска добираться по Оби. Гости залетят часть в Березово, часть в Сургут, а оттуда потом в течение двух-трех суток будут добираться до Ханты-Мансийска. Я думаю, такое путешествие по реке с выходами то в Русскинских, то в Нефтеюганске, то в Кышике, а то и просто на берег будут весьма впечатляющим. Будет возможность на том же теплоходе решить какие-то проблемы, найти понимание.

— Тюменский журнал Омельчук готовил передачу в Хьюстоне и сообщил, что там уже очередь, чтобы приехать к нам в Ханты-Мансийск.

— Я должен сказать, что у нас нет сегодня недостатка во внимании. Это объективно — округ располагает большим потенциалом. Я имею в виду и ресурсный, и людской потенциал. Здесь большое количество грамотных специалистов, нефтяников, геологов, строителей, которые, естественно, привлекают тех же бизнесменов. Они здесь попадают в среду профессионалов. Это не освоение Сахары, где людей нет. Вот в чем дело. В этом плане у нас нет обид на невнимание. Но то, что мы благодаря фестивалю создадим какие-то условия для работы здесь представительств тех же иностранных и российских компаний — это абсолютная истина. И то, что мы строим сейчас — это начало большого делового центра. Мы имеем больше десяти заявок на размещение представительств. А это, в свою очередь, тот проект, который будет приносить городу Ханты-Мансийску постоянный доход. Причем в валюте. Мы не шумим на эту тему, но понемногу двигаемся вперед, потому что отчетливо представляем себе, что возможны и туризм, и представительство иностранных фирм, но только тогда, когда будут созданы нормальные условия. А это требует и времени, и опять же больших затрат. Когда мы решим, где жить, как отдыхать, чем заниматься, тогда можно будет сказать, что мы начали заниматься тем, что продумали, просчитали. Но я не могу уверять, что все до копейки идет в дело, нигде нет ошибки. Все может быть. Но исключения эти незначительные. Процентом на 99 мы здраво, осмысленно и с перспективой занимаемся подготовкой к фестивалю. А фестиваль — это не фейерверк, а большая работа.

Беседовала Л. Луцкай.

Статья 25

2. Службы здравоохранения функционируют, по мере возможности, на местном уровне. Планирование этих служб и управление ими осуществляются в сотрудничестве с соответствующими народами и учитывают их экономические, географические, социальные и культурные условия, а также их традиционную превентивную медицину, традиционные методы врачевания и лекарственные средства.

Статья 27

1. Учебные программы и службы в области образования для соответствующих народов создаются и осуществляются в сотрудничестве с ними так, чтобы они были ориентированы на их особые потребности и включали их историю, их знания и технологии, их системы ценностей, их перспективные социально-экономические цели и культурные чаяния.

Статья 31

Среди всех групп национального сообщества и особенно среди групп населения, имеющих самые непосредственные контакты с соответствующими народами, осуществляются меры просветительного характера с целью искоренения предрассудков, которые они могут иметь по отношению к этим народам. Для этого предпринимаются усилия, обеспечивающие, чтобы учебники по истории и другие учебные материалы давали справедливое, точное и информативно насыщенное изображение общества и культуры этих народов.

Значение фольклора

Е. РОМБАНДЕЕВА, кандидат филологических наук

У манси не было письменности до 30-х годов XX столетия. История народа отразилась в фольклоре — в преданиях, сказаниях, героическом эпосе о славных предках, в обрядах и обычаях.

Фольклор народа — это словесный документ. Он отражает историческую истину (иногда несколько в приукрашенном виде). Он является историей и летописью для народа, но повествует об исторических событиях без указания точной даты. В нем отражены и контакты между древними этносами, военные события, происходившие с соседними народами. Говорится и о древних миграционных путях предков манси.

Фольклор отражает и духовность народа, его мудрость, национальный дух, его мировоззрение, нравы, обычаи, надежды и чаяния, характер и силу. Фольклорное наследие народа — это его огромный духовный мир, могучее средство духовного воспитания, национальная гордость.

Фольклор и литература для бесписьменного народа выражают одно целое. Фольклор помогает созданию литературного языка. А. М. Горький писал: «Учите фольклор, на основе его мы поймем язык».¹ «Фольклор — важный фактор развития культуры народа, одна из форм общественного сознания. В нем отражен язык народа, мировоззрение народа»², — отмечает профессор Пропп В. Я.

В фольклоре отражены не только искусство слова, поэтическое мышление, мировоззрение, но зафиксированы и материальная культура народа, описание одежды, предметов быта, жилища, промысла, снаряжения охотников и воинов, а также различные способы создания семьи для продолжения человеческого рода. Фольклор отшлифован самим народом.

В. Я. Пропп в своей монографии «Фольклор и действительность» отмечает, что «ни одна гуманитарная наука — ни этнография, ни история, ни литература — не могут обходиться без фольклорных материалов и изысканий» (Пропп, 1976, стр. 16).

Народное поэтическое творчество — явление социальное, его основы восходят к социальным причинам, а причины эти лежат в области хозяйственной и социальной жизни народа. «Фольклор есть явление исторического порядка, и фольклористика есть историческая дисциплина». (Пропп, 1976, стр. 28). Фольклор, требующий исторического изучения, может сам оказаться драгоценным историко-этнографическим источником. Прошлое народа манси в его преданиях и мифах, героическом эпосе о славных предках, одухотворенных потомками до божества, признанных духами — покровителями и почитаемых до сих пор.

Мировоззрение любого многочисленного или малочисленного народа по глубине и содержанию своему — проблематика весьма не простая. По этой причине временным налетом разобраться в нем весьма сложно, тем более, если исследователь не владеет языком носителей определенной культуры и только со стороны наблюдает за фактами действительности.

До наших исследований (моя работа, посвященная духам — предкам была опубликована в Венгрии в 1984 г. на венгерском языке) к теме верований народа манси обращались неоднократно, однако это были представители некоренных народов, а люди иной, отдаленной культуры (начиная с Новицкого, кончая некоторыми его последователями). Им не удалось глубоко вникнуть в стройную систему верований народов манси и ханты. Они наших духов-предков в своих работах просто-напросто называют «идолами» или, усиливая краски, — «бездушными болванами». Весьма вероятно, они не разобрались в существовании нашей веры, не усвоили того, что мы поклоняемся нашим предкам, которые заслужили почтение за выдающиеся дела при жизни. За что и были одухотворены своими потомками.

¹ Горький А. М. О литературе. М., 1953;

² Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Традиционные обряды любого народа способствуют пробуждению общественного сознания и несут известную социальную функцию. Они позволяют народу сохранить определенные моральные критерии (нормы). «Обряды народные возникли на базе национальных обычаев»¹, — пишет Ю.К. Субботин.

Обряд всегда связан с эмоциональным отношением к нему участвующих, поскольку он должен возбудить в них соответствующие чувства (на свадьбе — веселятся, на похоронах скорбят вместе). Обрядом руководит пожилой человек.

Обряд выполняет социальную функцию со времени далекого прошлого человечества, сплачивая определенные группы людей. Каждый участвующий приобщается к жизни коллектива, сопереживает вместе с ним то событие, которое лежит в основе. Обряд осуществляет связь между его участниками, закрепляет отношения между людьми, и имеет общественное звучание.

Объектом религиозных обрядов манси являются духи-предки. Духи — это души давно умерших предков. Им посвящены легенды, предания, через них мы узнаем о прошлой жизни народа манси. Наши люди им поклонялись коллективно. Обряды порождены в глубокой древности стремлением людей вместе переживать радость удачи или утрату близкого человека, что способствует облегчению переносимого человеком горя (например, похоронный обряд). Коллективно устраивают и увеселительные мероприятия, например, свадьбу). Это усиливает радость, поднимает дух, настроение участников веселья.

Изучив все обряды своего народа, его мировоззрение, я пришла к убеждению, что верование этноса манси возникло в глубокой древности на базе погребального обряда. Таким образом, первой стадией религии народа является «Погребальный обряд». Он возник на основе почитания памяти умершего близкого человека и установился, по-видимому, еще при матриархате, так как в проведении его ведущими исполнителями всех основных действий до сих пор являются женщины, в основном, пожилые.

Второй ступенью религии народа манси является «Хара кан». Он сооружается на лоне природы в память утонувших, погибших в лесу или на войне, то есть не захороненных, не приданных земле. В проведении этого обряда принимают участие на равных правах как мужчины, так и женщины. «Хара кан» делают мужчины, пользуясь мастерски топором. Ходят же туда молиться в основном женщины, пожилые мужчины и подростки со своими матерями.

Третья ступень религии манси — «Пурлахтын кан», «Торум кан», называют иногда просто «Кан», где обряд проводится только при участии мужчин. Там молятся выдающимся духам-предкам мужского или женского

¹ Субботин Ю.К. Православные таинства. М, Политиздат, 1990, стр. 10.

пола. Эта ступень религии народа манси установилась, вероятно, при патриархате, так как на такое святое место ходят только мужчины. Женщины остаются дома, они могут устраивать в это время угощения своим домашним духам-предкам, находящимся в доме в переднем углу (мулы сам). В такие дни нельзя посещать кладбище.

В мужском святом месте обязательно принимали участие сильные няйт хотпа, как было принято называть их в народе. Они обращались к тем духам, к которым пришли люди. У каждого духа есть своя призывная мелодия (кай сов) и речитатив приглашения. Их исполняют, и тогда являются якобы духи угощаться на устроенный для них пир (пури).

Семейная обрядность. В далеком прошлом и позднее при создании семьи руководствовались принципами чисто человеческих потребностей: выбирали себе жену по деловым качествам самой девушки (или женщины), а также ориентировались на ее родителей — от хороших родителей — хорошие дети (по тому же принципу выбирали при сватовстве и супруга-мужа). На долю матери-северянки ложилась большая ответственность: она должна была выдержать тяжелый домашний труд в суровых условиях Севера, поднять на ноги детей, сформировать из мальчика будущего северянина-охотника, а из девочки — будущую мать — северянку, которая была бы в состоянии продолжить свой человеческий род (муж же ее — добытчик пищи и одежды, она — хранитель очага, тепла, уюта и благополучия в доме). По указанной выше причине у манси в фольклорных произведениях полностью отсутствует тема бракосочетания между Мось¹ и Пор; о выборе же супруги (супруга) по делам ее качеств всегда отмечается в устном народном творчестве манси, если речь идет о создании семьи.

О древнейших способах создания семьи повествует фольклор народа манси. В нем говорится о том, кто и в какую эпоху проявлял активность при создании семьи для продолжения человеческого рода. В сказке-сказании «Черный и рыжий звери Мощнэ и Порнэ» сказывается, что женщины, и только они — участницы организации и сохранения семьи (явно эпоха матриархата). Хороший муж достается морально честной, чуткой, внимательной девушке.

О втором способе создания семьи говорится в сказке-сказании «Муж и жена Касыр».² В ней отражен этап перехода от матриархата к патриархату: девушка с явным намерением найти себе мужа отправляется в путь, находит его. Мужчина вежливо предлагает ей связать судьбу с ним. Но быть женой для него может только добрая, послушная и честная в поступках девушка, дурная погибает.

Следующий — третий способ создания семьи — выбор будущего мужа, будущей жены на основе взаимной вежливости, взаимного стремления друг к другу. Он отражен в сказании «Сыновья Усын отыр ойки и Тонтон ойки». Этот способ создания семьи также можно отнести к переходному периоду.

Четвертый способ — воровство будущей жены, приобретение ее посредством ловкости, а иногда и обмана. В эту пору власть и сила на стороне мужчины. Тут отражена эпоха патриархата.

И пятый способ создания семьи — это сватовство. Он отражает ту ступень общественного развития, когда люди стали более или менее состоятельными. За дорогую цену по договоренности мужчина может купить себе жену. По-видимому, тут отражена эпоха распада патриархального уклада жизни. В фольклоре в эту пору упоминаются русские цари, купцы, т.е. отражается эпоха контактов с русскими торговыми людьми и богатырями, вероятно, войнами как с той, так и с другой стороны.

У манси очень развит фольклор, но ни в одном из его текстов мы не находим, чтобы герой был назван христианским именем. Это говорит о том, что до встречи с русскими и составления

¹ Обозначение звука с (с мягкого) в термине Мось посредством сочетания букв с—ь (мягкий знак) или буквой щ считается равноценным (напр. Мось-Мощ, Мосьнэ-Мощнэ и т. д.);

² Термины ойка - «мужчина», эква - «женщина» добавляются к собственной или нарицательной форме имени мужчины, женщины, как формант вежливого отношения к личности.

ясачных списков у манси не было христианских имен. Они пользовались родственной терминологией по линии кровного родства и по линии свойства. Родственная терминология, связанная с этими направлениями родства, весьма богата и разнообразна. Терминов такого рода насчитывается не менее ста.

Верование. У манси именитых предков, отличившихся чем-либо при жизни перед своим народом, было очень много. Веками их все больше накапливалось. Одни из них помогли манси обосноваться там, где теперь живут. Таковыми были Тагт Котиль ойка, Аяс ойка, Нер ойка, Полум ойка, Тэк отыр.

Другие давали сильное и здоровое потомство, например, Нярс най эква, букв: «Румяноликая женщина», жила она в верхнем течении Сосьвы; или помогали продлить род людей, например, Каптац эква, она жила на берегу Оби в деревне Калтац павыл. Эта женщина умела оказывать помощь при родах, до родов облегчала тяготы беременной. Она всем безотказно помогала, все ехали к ней, даже издапека, просили о помощи, В ее призывной священной песне (кастыл) так и говорится: савын аги, восин аги самвит сэги... — «всем страдающим помогает...»

Для того, чтобы увековечить память най отыров, признавали местности священными и таким местам присваивали нарицательные имена выдающихся предков. Таких священных мест на территории проживания манси было очень много. О них манси знают, берегут их. В таких местах люди не охотятся, не ловят рыбу. В итоге они оказывались как бы заповедными местами. И все хозяева таких мест, духи-покровители, отражены в фольклоре. В настоящее время на территории проживания манси появились люди других национальностей. Все святые места осквернены, разорены. Уже нет естественных заповедников. И не будет, вероятно, так как путей возврата к прошлому нет. Молодежь живет по-новому. Уже редко собираются люди вместе, чтобы рассказывать друг другу сказки, устраивать обряды.

Рис. А. Мухаметовой

Живопись малочисленных народов Российского Севера

Север на выставке 1927 года «Искусство народов СССР» был представлен одним Тыко Вылко. Среди воспитанников Института народов Севера те, кто решил посвятить себя художественному творчеству, появились в следующее десятилетие. Это уже названный Константин Панков, ненка Лампай, ханг Натускин, селькуп Ижимбин, эвенки Терентьева и Сахаров, удэ Киле-Пячка и другие. Арсенал их выразительных средств шире, чем у первых севфаковцев: наряду с карандашом они все чаще работают акварелью, гуашью, маслом, что открыло путь к более сложным композиционным построениям, многогранному отражению мира, но не разрушило цельности художественной системы. Идущее из глубины тысячелетий космогоническое мышление соединилось в их творчестве с радостным чувством национального пробуждения. Первые соприкосновения с цивилизацией XX века, дав возможность взглянуть на себя со стороны, романтически окрасили фольклорное мироощущение, в котором еще не было места реальному осознанию социальных и экологических проблем и трагедий современности.

Занятия в мастерских стали активнее, помогая художнику «целестремленно пользоваться тем арсеналом изобразительных средств, который ему свойственен». Педагоги, очевидно, обратили внимание учеников на внутренне близкие последним явления в мировом искусстве, в частности, на классическую китайскую живопись, с ее охватом больших, скользящих по вертикали пейзажных пространств. Хотя творчество воспитанников Института народов Севера продолжало развиваться в русле примитива, оно неминуемо должно было соприкоснуться с исканиями Новейшего времени. И не только в том смысле, о котором ранее говорил Пунин. Теперь сами северяне могли получить стимул со стороны авангардистских направлений отечественного и мирового искусства. Но этому помешала ситуация 30-х годов: борьба с так называемым формализмом и догматическое насаждение соцреализма.

Нельзя сказать, чтобы воспитанники Института народов Севера не встречали общественной и государственной поддержки.

Непрофессиональной критике противостояли восторженные отзывы известных деятелей изобразительного искусства В.В. Лебедева и Н.А. Тырсы, И.И. Бродского и А.Т. Матвеева, Н.Ф. Лапшина и А.Ф. Пахомова. В 1936 году в Ленинграде и в Москве были организованы выставки «северян». На следующий год их работы экспонировались на Всемирной выставке искусства и техники в Париже и были награждены золотой медалью, а в 1938 году — показаны в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Но

творчество ленинградских студентов все больше воспринималось как локальное явление, становилось некой художественной резервацией, все реже рассматривалось в русле общего развития советского искусства. Статей, подобных тем, с которыми выступали в конце 20-х годов Н.Н. Пунин и Я.А. Тугендхольд, теперь появиться уже не могло.

Накануне Великой Отечественной войны работа северных художественных мастерских в Ленинграде фактически заглохла. Не возобновилась она и в послевоенные годы, когда задачи Института народов Севера отчасти взяли на себя Ленинградский университет и Педагогический институт им. А.И. Герцена. Северная тема в советском искусстве связывается теперь прежде всего с именами получивших академическую подготовку в ВУЗах и художественных училищах русских художников, таких, как архангелогородец Д.К. Свешников и уралец В.А. Игошев, запечатлевших быт оленеводов и охотников в формах передвижнического ахровского реализма. На подобные традиции были сориентированы и представители самих малочисленных народов. Характерный пример — учившиеся в 1950-е — начале 60-х годов в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина нанаяц Андрей Бельды

(дипломная работа «Сдача пушнины», руководитель Б.В. Иогансон) и ульчи Александр Дятала) дипломная работа «Говорит Москва — слушают ульчи», руководитель И.А. Серебрянный). Творчество этих художников при всем внешнем правдоподобии их полотен весьма односторонне отражало действительность и ныне стало одним из свидетельств противоречивости советской национальной политики.

Показательно для этого времени и отношение к художественному опыту Института народов Севера. Не отрицая его значения в плане подготовки художественных кадров, исследователи 1950-х годов видят главные заслуги северных художников в преодолении примитива, который рассматривается как неумелость, и стремятся оградить их творчество от сопоставлений с исканиями новейшего «формалистического искусства». Занятия в кружках и студиях художественной самодеятельности, по линии которой развивалось теперь в основном собственное творчество северных народов, ограничивалось школьным рисованием с натуры, тушевкой с размывками — тем, от чего в свое время отказались в мастерских севфака.

Конечно, совсем отрицать позитивную роль художественной самодеятельности для развития искусства Севера неправомерно. Без кружков и студий народным талантам трудно было бы стать скульпторами, живописцами, графиками, подобными манси Петру Шешкину, ханты Митрофану Тебетеву, Артему Гришкину, Якову Купландееву, ненцу Геннадию Хартаганову, коряку Кириллу Килпалину. Самобытное творчество этих мастеров типологически словно колеблется между тем вариантом, который представляют полотна Тыко Вылко, соединившие черты реализма с элементами фольклорной изобразительности, и тем, яркими выразителями которого оказались в 1930-е годы ленинградские студенты.

Принципиально новый этап в развитии искусства Севера обозначен живописью и графикой Геннадия Степановича Райшева, родившегося в 1934 году в деревне Сивохрап на притоке Оби Салыме. Внешне его путь в искусство был типичен для художника-любителя. Обычная изостудия в Педагогическом институте им. А.И. Герцена, где он в 1959 году получил на северном отделении специальность учителя русского языка и литературы; позже, когда поселился в городе Карпинске на севере Урала вблизи родных сибирских краев, — недолгие занятия в заочном народном университете искусств им. Н.К. Крупской. Однако исключительное упорство в достижении поставленной цели, умение самостоятельно учиться и работать позволили Райшеву овладеть различными художественными системами — от академической до авангардистской — и синтезировать фольклорные традиции с новейшими достижениями русского и европейского искусства.

Оказавшись в середине 1950-х годов в Ленинграде, Райшев ощутил себя продолжателем прерванных начинаний Панкова и его товарищей: то, перед чем остановились они, должно было совершиться в его творчестве. Благо, подули ветры обновления, и перед отечественными художниками начали

открываться полузапретные и запретные традиции. Рерих учил пантеистическому восприятию природы, понимаю слитности с ней истории человечества. Врубель помог найти изобразительное воплощение фантастических образов, незримое сделать зримым. Чюрленис — постичь «соединенность звука, движения и цвета». 16 Собранная в Эрмитаже французская живопись развивала врожденное чувство меры и утонченность колорита. В завоеваниях фоеизма северный художник обнаружил подкрепление своему стремлению к плоскостности, которая, по его словам, «позволяет оперативно действовать ритмически, изменяя форму и цвет в соответствии с движением». Но матиссовская программа избавления человека искусством от тревог и волнений оказалась чужда Райшеву. Свойственный ему драматизм и социальная чуткость, отзывчивость к людским страданиям влекли его к Ван Гогу и немецким экспрессионистам.

Первые выступления Райшева на художественных выставках относятся к концу 60-х годов, а уже в следующее десятилетие определились основные мотивы его творчества. Тема Севера заняла тогда в искусстве России заметное место и обрела новое звучание. Вслед за суровым стилем полотен А.А. Яковлева и гравюр А.В. Бородина пришло стремление отразить поэтические представления северян, обратиться к истокам их культуры, чему способство-

вали дальнейшие успехи исторической науки, открытия на территории Сибири памятников первобытного искусства /чукотские и камчатские листы 70-х годов В.Н. Петрова, сибирские серии 80-х годов Н.И. Рыбакова, чукотские мотивы К.Б. Кузьминых/.

В мировосприятии самых северных народов произошли значительные изменения: накопился опыт общения с цивилизацией XX века, появилась собственная интеллигенция, возросло национальное самосознание и одновременно возникла тревога за свою дальнейшую судьбу, вызванная социальными кризисами, разрушением естественной среды обитания. 17 Выразить эти чувства малых северных народов одному из первых суждено было Геннадию Райшеву.

«Я знаю, на какой земле я родился, как первый солнца луч меня осветил, дал собственное зрение видеть кругом. То, что встретило меня в этой жизни, стало источником любви. Вода, трава и утки, облака, люди и их сказки. Это основа, на которую можно опереться в творчестве... Север — это бескрайность большой воды, болот и снегов. Навсегда остался в душе восторг от пространства. « В гравюрах и полотнах Райшева оно развернуто, как свиток, или широко растянуто по горизонтали. Порой вся композиция приобретает орнаментальный характер. Но художник не заимствует народных узоров, а находит их в силуэтах борат, кронах осин, рельефа земли и ряби наводе. Он пытается повторить путь, проделанный поколениями его предков: «Иду, как народ, постигая жизнь, дохожу до символа, нероглифа и снова иду обратно, чтобы насытить их чувственными началами». Бликующие рельефы райшевских мазков окаймляют человеческие фигуры подобно краям вскрытой как рана земной коры, дотоле прятанной этих странных существ: духов и одновременно почти реальных рыбаков, охотников, обладающих неповторимым характером, нравом, привычками. Такой портретности и такого драматизма живопись Севера еще не знала. Панков с его наивно радостным ощущением жизни, наверное, содрагнулся бы, встретившись с напряженными, пронзительными взглядами героев современного художника.

Райшев пришел в искусство с иным, нежели его предшественники, социальным опытом: мировосприятие его во многом определили ворвавшиеся в детство трагедии 30-х годов и Великой Отечественной войны. Грозной метафорой для Райшева стал пароход « Пономарев», который, увозя отцов, отрывая их от векового уклада, то ли ползет, окутанный дымом, то ли бесформенной гидрой висит над горсткой народа.

Болью в сердце художника отзывается гибель всего живого, предостерегающе звучит для него не только плач гагар, но и пронизывающая воздух весенняя трель дятла, весело барабанищего по стволу засохшего дерева. Олицетворением цивилизации шагает над человечеством длинноногий шайтан — треугольник, взявший очертания у опорной фермы электропередачи или нефтяной вышки. Во многих произведениях Райшева, введшего этот образ в репертуар национальных зрительных символов, возникает он над водами и

сушей, то силуэтом великана, то линейным призраком. Шайтан многолик, он — перевертыш: только что, как враждебное природе начало, противостоял ей, но вдруг, преобразившись, слился с лесом и, глядя с небес, мстительно смеется над самонадеянным человеком.

При всей фольклорности художественного мышления Райшев — яркая творческая индивидуальность, проявляющаяся и в драматизме созданных образов, и в их лирической окраске, и в легкой иронии по отношению к традиционным народным верованиям. За прошедшие десятилетия он не оставался неизменным: драматизм уходил вглубь, публицистичность уступала место сложной ассоциативности, за переживанием и бедами близких людей вставляли глобальные проблемы. Искусство художника наполнилось общечеловеческим смыслом. Феномен Райшева — убедительное свидетельство возможностей самобытного развития культуры малочисленного народа, доказательство того, что необходимость выбора между изоляцией и ассимиляцией не является для него неизбежной.

ПРИМЕЧАНИЯ:

15. Месс Л.А. Указ соч. -С. 40.

16. Здесь и далее слова Г.С. Райшева, записанные автором статьи.

17. В официальной советской печати эти драматические проблемы до конца 80-х годов почти не поднимались. Некоторое отражение они нашли в материалах под заголовком «Север — человек — культура» в журнале «Деко-

ративное искусство СССР» /1982, № 8. с. 18 — 35 / и содержащих, в частности, диалог Л.Н. Гумилева и А.П. Окладникова, и в сборнике статей: Культура народностей Севера: Традиции и современность. - Новосибирск. 1986.

18. Признание к Г.С. Райшеву пришло не сразу. Вплоть до середины 1980-х годов его работы экспонировались лишь на небольших выставках в городах Ханты-Мансийского округа, в Карпинске и в Свердловске (исключение — групповая выставка свердловских художников в Ленинграде в 1975 году). Впервые на зональную выставку «Урал социалистический» произведения самобытного мастера были допущены только в 1985 году. В 1987 году он участвовал в выставке «Свердловские художники в Москве», в 1989 — в выставке произведений художников автономных республик, областей и национальных округов РСФСР в Москве, — в 1992 — в выставке «Россия — 8» в Москве. В 1988-91 годах состоялись персональные выставки Г.С. Райшева в Свердловске, Тюмени, Тобольске, Ханты-Мансийске, Карпинске; в 1990 — выставка А.Алексеева, В. Жукова и Г. Райшева в Свердловске. В связи с интересом в Венгрии к культуре финно-угорских народов в 1991 году выставка живописи Райшева была проведена в Секешфехерваре и Будапеште, а в 1992 году в Венгерском культурном центре в Москве.

Произведения Райшева хранятся в Екатеринбургском музее изобразительных искусств, Екатеринбургской галерее «Малый исток», Екатеринбургском краеведческом музее, Пермской художественной галерее, Тюменской картинной галерее, Тобольском художественном музее-заповеднике, Ханты-Мансийском краеведческом музее, Ханты-Мансийском центре культуры и искусства народов Севера, этнографическом музее в Мегионе, Барнаульском художественном музее и других государственных и частных собраниях России и за рубежом.

Литература: Ощепкова Н. Певец уральского Севера // Уральский рабочий. 1971, 7 августа; Шесталов Ю. От загадки к искусству // Тюменская правда, 1972, 23 июня; Шульгин М. Ханты-художник // Ленин пант хуват. 1973, 30 июня / на хантыйском языке /; Белобородов В. На голос детства // Ленинская правда / Ханты-Мансийск /, 1979, 25 августа; Горбачева Н. Художник страны Югории // Аврора. — 1980. — № 2. — С. 146-149. Геннадий Райшев: живопись, графика /буклет/. Сост. и автор вступит. статьи Г.В. Голынец. — Свердловск, 1984; Голынец Г. «Я знаю, на какой земле я родился» // Урал. — 1985. — № 3. — С. 162-163; Омельчук А. Зеленое солнце // Север. — 1985. — № 3. — С. 189-192; Федорова Н. Идущий от правды / Тюменская правда, 1988, 29 апреля; Клепиков В. «Как рисуют дети?» // Урал. — 1988. — № 10. — С. 189-192. Голынец Г. Музыка пространств // Северные просторы. — 1989, № 1. — С. 24-28; Омельчук А. Реки детства текут к истоку. / Полярная звезда. — 1989, № 6. — С. 117-120; Горбачева Н. Знак руки // Творчество. — 1990. — № 2. — С. 25-27; Фрегер Е. Женщина на болоте // Искусство. — 1990. — № 2. — С. 37; Айпин Е. Сотворенной реки человек // Северные просторы. — 1991. — № 41. — С. 48-50; Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари. — М., 1990. — С. 253-263;

Геннадий Райшев. Хантыйские легенды / Автор вступит. статьи и составитель Г.В. Голынец. — Свердловск. 1991, 192 с., 172 илл. в т. ч. 150 цветн. Содержаниe: Голынец Г. Музыка пространств. — С. 6-14. Айпин Е. Гром-старик. — С. 15-42. Райшев Г.В картине должна быть тайна. — С. 43-46. **Матафонова Ю.** На Салым-реке быль и небыль живут // Уральская газета, 1992, август, № 13 /16/; **Кропотов С.** Сакральный первообраз мира //Югра, 1992. — № 9 /11/ — С. 7-8; **Райшев Г., Константинов В.** Подвижный мир гармонии // Там же — С. 9-11 /.

В 1982 году Свердловской телестудией снят фильм «Мир Геннадия Райшева». 1982. Сценарий Г. Голынец, режиссер Т. Бурмистрова, оператор В. Алексеев. В 1993 году Свердловской киностудией, творческим объединением «Зов», снят фильм «Возвращение художника Райшева». Автор сценария и режиссер П. Солдатенков, оператор Н. Гайл.

Список иллюстраций:

1. К. Натускин. Охота на песца. Серед. 30-х гг.
2. М. Терентьева. Кочевье. 1936-37 гг.
3. В. Игошев. В родное стойбище. 1955 г.
4. Д. Свешников. Хозяин тундры. 1956 г.

По страницам «Нарьяна вындер»

Культурный десант

Работники Нарьян-марского окружного краеведческого музея побывали в поселке Красное, на центральной усадьбе колхоза «Харп». Они вывезли в сельскую школу две своих экспозиции — «Религиозные верования ненцев» и коллекцию

полезных ископаемых округа, подаренную музею Тиманской экспедицией. Директор музея Т.Ю. Журавлева провела лекцию в старших классах о религиозных верованиях ненцев. Были продемонстрированы также атрибуты исполнения религиозных обрядов.

Творчество юных

В выставочном зале здания окружного радио состоялась детская художественная выставка. В ней приняли участие юные художники в возрасте от 5 до 15 лет. Выставлялись детские рисунки, графические и скульптурные произведения, работы

из металла, керамики, текстиля и бумаги, панно из меха. Тема доступна и понятна всем — «Дети и мир, их семья, друзья, интересы». Лучшие работы представлены на 21-ю Международную детскую художественную выставку «Медице-93».

На языке музыки

«Кубок Севера» — так назывался 1 Международный конкурс музыкантов-исполнителей на народных инструментах, который прошел в Череповце. Профессиональные музыканты России, ближнего и дальнего зарубежья встретились, чтобы говорить на языке музыки. Впервые участником конкурса такого высокого уровня стал музыкант из Нарьян-Мара, педагог музыкальной школы по классу домры Александр Васильевич Виричев, студент-заочник Петрозаводской консерватории. Как и всякий талантливый человек, он мыслит намного шире, не ограничиваясь только игрой на домре, только технической стороной. Его инте-

ресует все: и звучание оркестра с Народным хором, и пение в ансамбле (отсюда певучесть, культура поведения на сцене). Многогранные интересы позволили музыканту добиться высокого результата. Александр Виричев на Международном конкурсе занял четвертое место из 200 конкурсантов.

На вопрос, что тебе дал Международный конкурс, кроме волнений и переживаний, Александр ответил: «Творческий толчок, веру в свои силы, осознание необходимости как можно больше работать». Ученики Александра Васильевича могут гордиться своим учителем, им есть чему у него поучиться.

СЕВЕРНЫЙ ЭТНОС И ЭКОЛОГИЯ

Н. Чесноков

Люди живут на земле ее плодами. Разрушить родящую силу земли — значит обречь их на гибель. Это издревле усвоили народы. Из поколения в поколение передавались неписанные правила уважения к земле, к сохранению ее способности возвращать все живое. У многих народов существовал культ земли.

Заботливым отношением к земле хлебопашцы старались сохранить ее плодородие, ее способность одаривать людей за вложенный труд. У охотничьих народов возникали и изустно передавались правила охоты и рыболовства, которые содержали ряд запретов, табу, исключаящих подрыв воспроизводства фауны и флоры. Запрещалось убивать животных больше, чем нужно для пропитания, запрещалось ловить молодняк и самок с потомством, не допускалась охота в период размножения зверей и птиц. У северных народов большое значение в сохранении природы имела языческая религия. Определенные участки угодий считались «святыми местами», где не только не допускалась охота, рыбная ловля, сбор ягод, но даже само их посещение было под запретом. Это были своеобразные заповедники, где спокойно жили и плодились звери и птицы. На Конде и Северной Сосьве «святые места» сыграли немаловажную роль в сохранении речного бобра и соболя.

После октябрьского переворота большевики стали повсеместно проводить политику уничтожения религии. Если в центральных областях и краях разрушали церкви, арестовывали и расстреливали священников, то на северных окраинах сельские активисты громили жертвенники, оскверняли «святые места», клеймили шаманов как якобы корыстных их блюстителей. Ломке благоговейного отношения к природе способствовала политика отчуждения людей от земли. В земледельческих районах создание колхозов подорвало заинтересованность людей в хозяйском использовании земельных угодий. Не отсюда ли началось безучастное, наплевательское отношение к земле, приведшее к ее отравлению гербицидами и пестицидами, к разрушению почвы и снижению ее плодородия?

В северных районах коллективизация имела свои особенности, но вела к тому же отчуждению от земли. Родовое право на угодья, существовавшее при царизме, советской властью было отвергнуто. Для создания колхоза северных рыбаков и охотников, которые обычно жили рассредоточенно, отдельными семьями, нужно было собрать в одно место, так называемый «центр сселения». Людей отрывали от родовых угодий, скучивали в одном пункте, где всем прожить за счет природы было невозможно. Сосредоточение населения в «центрах сселения» подрывало традиционные отрасли северного хозяйства. Стравливались окрестные оленепастбища, истощались ближние охотничьи угодья, в то время как дальние не использовались.

Создание колхозов в северных районах было лишь начальным этапом отчуждения населения от их исконных угодий. Следующим этапом было укрупнение колхозов, повлекшее массовый вывоз коренного населения из таежной глубинки. Из многих случаев приведем лишь один пример. В бассейне Салыма было 6 таежных колхозов, занимавшихся охотничьим промыслом и рыболовством. Их объединили в один и вывезли в с. Лемпино, близ обской поймы. Глубинные таежные угодья стали недоступными, количество охотников сократилось в 5 раз. Вывоз населения из глубинки существенно подкосил традиционные занятия. Бывшие рыбаки и охотники превращались в люмпенов и изгоев.

Но это было полбеда, еще не самое худшее. Как-никак не все коренное население было вывезено из тайги, худо-бедно продолжало традиционно заниматься охотой и рыболовством.

Худшее наступило с открытием и разработкой месторождений нефти и газа. Народы Западно-Сибирского Севера от богатств его недр не получили ничего. Потеряли же все —

свою землю, уголья, традиционные занятия, культуру. Люди, жившие охотой и рыболовством, лишились средств существования. Нефтегазозаготовка без соблюдения необходимых природоохранных требований ввергла северную землю в экологическую катастрофу. Для малых народов Севера это одновременно катастрофа этнологическая.

Зарубежный опыт показывает, что нефть на севере можно извлекать без экологических катаклизмов. Так, на Аляске нефть добывается не в малом количестве (причем ее приходится транспортировать по трубопроводу через всю территорию штата), и это отнюдь не угрожает ни гибелью природе, ни бедами коренному населению. Все дело в том, что там строго соблюдаются требования охраны природы и экономические интересы коренных жителей.

Аляска была последней девственной территорией США. Поэтому сторонники охраны природы возражали против освоения нефтяных богатств Аляски, считая, что это погубит природу и население штата. Три года в штате дискутировался вопрос об освоении нефтяных богатств. Коренным жителям, чтобы они не возражали против нефтегазозаготовок, был выделен 1 млрд. долларов, за ними закрепили 11% территории штата, где промышленная деятельность запрещается без согласия населения. Группа крупных нефтяных компаний, взяв определенные экономические и экологические обязательства, получила право на разработку нефти. Компании вынуждены были провести исследования по детальному изучению территории, разработку и апробацию необходимых мер охраны природы, совершенствование технологии нефтедобычи без ущерба окружающей среде. Это потребовало дополнительных расходов около трех миллиардов долларов. Большие выгоды получило население штата. В каждой деревне Аляски построены школы, не уступающие школам центральной части США, создана сеть больниц, аэродромов, дорог, телевизионного вещания. Треть доходов от нефти поступает штату, из нее половина зачисляется в фонд грядущего, когда запасы нефти будут исчерпаны.

Но нефть надо не только извлечь из земли, но и доставить до потребителя. Для этого построен Трансальяскинский нефтепровод длиной 1300 км. от полярной бухты Прадхо до тихоокеанского порта Валдиз. Нефтепровод пересекает 800 рек и речек, проходит по тундре и лесной зоне, переваливает через горный хребет. Построенный грамотно и надежно, он является северным чудом XX века.

Строили нефтепровод три года и два месяца 70 тысяч человек. Сначала вдоль трассы проложили автодорогу, по которой завозилось все необходимое. На трассе разместили 29 строительных городков с жильем и складами техники. Много хлопот доставила вечная мерзлота. Поскольку нефть извлекается из земли и поступает в трубопровод горячей, она могла вызвать протаивание вечномерзлых грунтов, что угрожало проседанием и разрывами трубы. Во избежание этого нефтепровод по вечной мерзлоте (а это половина его длины) проложен над землей, на железобетонных опорах. Последние снабжены специальными радиаторами, чтобы тепло уходило в воздух, а не в землю. За стройкой следили 55 инженеров по охране природы.

Нефтепровод обошелся в 8 млрд. долларов, треть из них затрачена на природоохранные мероприятия. Затраты окупались за 7 лет. Девиз строителей — надежность — оправдывается 15-летней эксплуатацией трубопровода. Мрачные прогнозы противников нефтепровода не подтвердились. Тундра не загрязнена, реки чисты, звери и птицы не распуганы. Аляскинский нефтепровод служит примером гармонии природы и техники.

Но надежность надежностью, а служба безопасности бдит. С вертолета наблюдатели ежедневно осматривают трассу. Приборы на 11 компрессорных станциях выключают ток нефти, если давление в трубе упадет только на 1%.

Будет ли нечто подобное у нас? И когда?

Таким образом, экологическая сторона промышленного освоения Севера обходится недешево. Но без экологических затрат не сберечь природу, а значит, не сохранить малые северные народности. Оставление нефтегазодобычи в руках государства не сулит улучше-

ния ни в сфере экологической, ни в сфере социально-этнической из-за приоритета интересов топливно-энергетического комплекса.

Где же выход?

Сейчас уже мало кто сомневается, что он заключается в приватизации и акционировании отрасли, в привлечении в нее иностранных инвестиций и новых технологий. Выход в такой схеме приватизации и акционирования, при которой будут учтены интересы коренного населения в форме бесплатного наделения акциями жителей, на угодьях которых действует акционерное предприятие. Это условие акционирования нужно считать обязательным, чтобы превратить коренное население в действительных хозяев своей земли. Возврат к родовому праву на угодья для этого отнюдь недостаточен. Указ о выделении родовых угодий и запрете на них промышленной деятельности не подкреплен механизмом его претворения в жизнь, а «Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском округе» остается пока лишь благим пожеланием. Необходим Закон Российской Федерации о промышленном освоении северных территорий, в котором должны быть предусмотрены права и обязанности местной власти и осваивающих территорию предприятий, права коренного населения на сохранение традиционной экономики и на возмещение наносимого ему ущерба. Естественно, в Законе должен быть механизм его осуществления и санкции за невыполнение.

Конечно, такой закон не вызовет восторга у нефтяных генералов, которым трудно отказаться от привычного порядка экстенсивного, колониального освоения. Их пугают даже те куцые права, которые могут осуществлять местные власти. На VII Съезде народных депутатов Российской Федерации руководитель «Сургутнефтегаз» ратовал за вовлечение в эксплуатацию новых месторождений и сетовал, что этому мешают местные власти. А пора бы подумать об интенсификации нефтедобычи на разрабатываемых месторождениях, а не губить все новые и новые земли.

Как ни трудно добиться этого местным властям, но к предприятиям и компаниям, занимающимся эксплуатацией недр, должны предъявляться самые строгие экологические требования. Дело облегчается при конкурсном порядке получения прав на разработку месторождений. Это право приобретают те предприятия и компании, которые предложат наилучшую программу действия в экологическом, экономическом и социальном плане.

К сожалению, до сих пор очень медленно и робко решались вопросы и законодательства, и практической работы по совершенствованию порядка промышленного освоения северных территорий. Так, первый конкурс предприятий и компаний за право разведки и разработки некоторых нефтегазовых месторождений намечено провести в Ханты-Мансийском округе лишь в будущем году. А проблемы охраны природы, сохранения северного этноса не терпят отлагательств. Здесь, как никогда, справедливы крылатые слова «промедление смерти подобно». Судьба малых северных народов всецело зависит от наличия пригодных для их обитания земель, на которых можно вести традиционное хозяйство и привычный образ жизни.

В заключение еще об одном немаловажном вопросе. Проблемы коренного населения могут быть успешно решены лишь с участием самого коренного населения. Ханты и манси должны научиться постоять за себя. И в этом им может помочь ассоциация «Спасение Югры». Должна же она оправдывать свое название! Жалобы, которые в свое время отправляли в центр жители Угута или Няксимволя, плохо помогают. А вот если бы угутские ханты и няксимвольские манси, как один, встали стеной на защиту своей земли от разбоя нефтяников и лесозаготовителей, результат был бы иной. Ведь отстояли же на Дальнем Востоке бикинские ульчи свои угодья от хищнической вырубki русско-корейским предприятием «Светлое», они привлекли внимание к этому делу не только отечественной природоохранной общественности, но и международного движения «Гринпис». Только сплоченными действиями коренному населению удастся оберечь свою землю и себя от разграбления и уничтожения.

МЫ — ОДИН МИР

(Обзор книг)

Без малого 25 миллионов человек составляет сообщество финно-угорских народов. Территория их проживания огромна. И несмотря на то, что финно-угорские племена разошлись по Евразии несколько тысячелетий назад, стремление сблизиться, понять друг друга, заново осмыслить свое родство растет год от года. Создаются финно-угорские общества, проводятся совместные конгрессы, фестивали. Библиотеки создают отделы финно-угорской литературы. Краеведческий отдел окружной библиотеки г. Ханты-Мансийска продолжает знакомить читателей с литературой из своего фонда.

«Библиография по уралистике 1917-1987 гг.» — это издание, подготовленное специалистами-финноугроведами. 4-х томный труд охватывает литературу по уралистике, вышедшую в России и в Финляндии за период с 1917 по 1987 годы. Это результат научно-исследовательской работы, которую в течении 70 лет вели археологи, фольклористы, этнологи, этномузыковеды, антропологи, языковеды и литературоведы России и Финляндии. Выпущено два тома: 1 — Археология, 2 — Этнография и фольклористика. 3 и 4 тома должны появиться в скором будущем. Издания такого масштаба осуществляются впервые в истории уралистики, и полезны не только ученым, но и библиотекам и краеведам.

«Финно-угры и балты в эпоху средневековья». — М., 1987 год.

В книге собран и научно систематизирован материал по двум крупным этносам — финно-уграм и балтам, заселявшим в эпоху средневековья значительные пространства Северо-Восточной Европы. В основе исследования лежат тысячи археологических памятников и огромный материал, полученный в результате раскопочных работ на протяжении 150 лет. В книге исследуются начальные процессы формирования этих народностей.

«Песня лесов. 100 народных песен финно-угров». — Будапешт, 1987 год.

Уникальный музыкальный сборник, первый такого рода, составленный в Венгрии. В него включены песни народов финно-угорской языковой группы, от каждого народа по десять песен, независимо от его численности. Сборник был подготовлен к VI Международному Конгрессу финно-угроведов, который состоялся в 1985 году в г. Сыктывкаре. Его цель — познакомить широкий круг читателей с песнями народов данной языковой группы. Хочется надеяться, что результатом нынешнего Международного фестиваля будут не менее значительные и интересные издания по фольклору, этнографии и т. д.

«Десять экспедиций к финно-угорским народам Таллинского университета искусств». — г. Таллин. 1990 г.

Еще в первой половине XIX века в Эстонии зародился серьезный интерес к вопросам этногенеза и этнокультуры эстонского и прочих финно-угорских народов. Настоящий альбом включает краткий обзор развития финно-угроведения в Эстонии. Свой вклад внесли в это и экспедиции Таллинского университета искусств к близким и дальним уграм. Книга вышла небольшим тиражом (5 тыс. экз.) и нам подарена Эстонской библиотекой.

И, наконец, ксерокопия, полученная из Санкт-Петербурга: **Поппе Н.Н. и Старцев Г.А. «Финно-угорские народы. Очерк».** — Л., 1927 г. Издание Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей.

Это одно из немногих изданий, в котором доступно изложен материал по истории письменности и современной культуре финно-угров.

Я надеюсь, что эти издания будут интересны читателю и помогут узнать о финно-угорских народах что-то новое.

Т. Пуртова, зав. краеведческим отделом Х-Мансийской окружной библиотеки.

ВАРОВАЯ ПОРА

Время летнеголова рыбы в местах ее нагула сетями в курьях и сорах, неводами у запоров и стржевыми неводами на песках после ската рыбы из соров в реки называлось у сургутян «варовая пора».

В маловодные годы промысел в реках начинали с 20-25 июня, а в полноводные несколько позднее, в первых числах июля. Обычно продолжался он до конца июля, а иногда и дольше, до Ильина дня (2 августа).

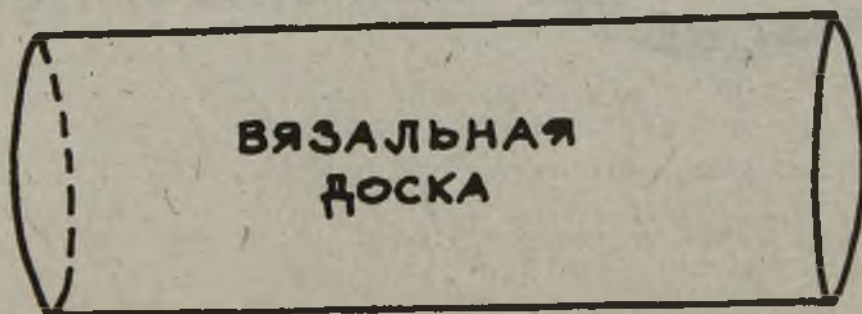
Думается, лов называли «варовым» потому, что невода (как и сети) вязали из суровой хлопчатобумажной нитки (те, кто был побогаче, вязали из юрковой нитки № 10), после чего опускали в расплавленный в большом чугунном котле вар. Дело в том, что хлопчатобумажная нить в теплой июльской воде быстро прееет и теряет крепость, а после такой обработки прочность ее увеличивалась. Сети обрабатывали по-другому: в колташихе (чугунном котле) распаривали березовую или черемуховую кору и в этот настой на несколько минут окунали сеть, потом давали ей обтечь прямо над колташихой и развешивали для просушки.

Мой отец и его друзья — соседи ловили в варовую пору только ставными сетями, вязали сетное полотно зимой, для этого использовалась каждая свободная минута, особенно вечерами. А посадкой сетного полотна отец занимался уже после весенней заготовки дров. В нашей семье вязать сети умели все.

Сети садили на одну верхнюю тетиву, назывались они одностенными. К нижней части полотна подвязывали еще 3-4 ячеи из толстой посадочной нитки. Перед тем, как ставить сеть, ее окунали в воду — подвязанная из толстой нитки часть намокала и тонула быстрее, выравнивая в воде все сетное полотно.

Сети, уже бывшие в употреблении, требовали починки. Самым трудным было при этом правильно выщипать (выкроить) место большого порыва, чтобы после починки полотно принимало прежний вид. Мальчишкой мне приходилось целыми днями стоять у висящей на вешалах сети, выкраивая и зашивая малые и большие порывы, в то время как мои сверстники купались до посинения, а потом отогревались в песочке на солнцепеке.

Для вязки сетного полотна, починки сетей и посадки их изготовлялись из твердой березовой древесины вязальные доски разной ширины — отдельно для каждого размера ячеи. Из такого же дерева выстругивали и вязальные иглы, тоже разных размеров, на которые наматывались нитки.

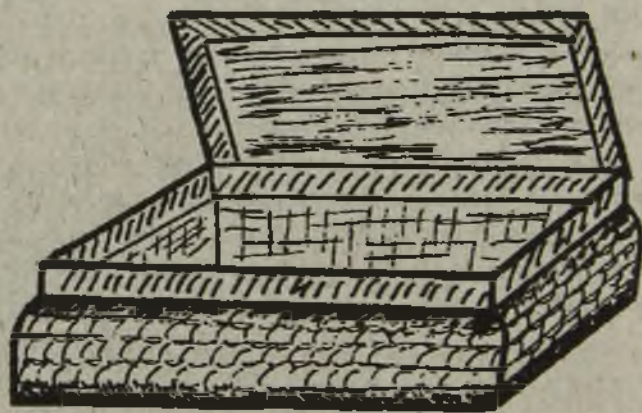

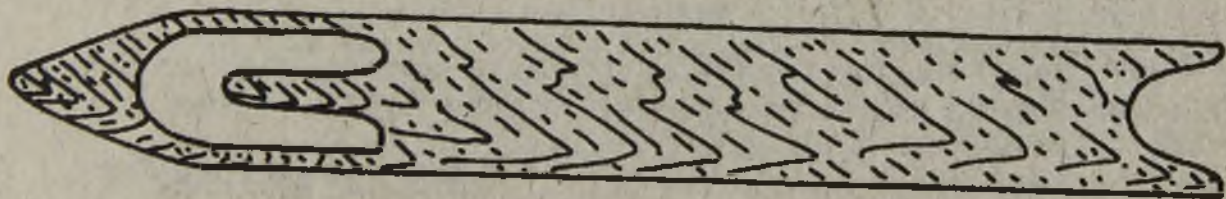
Закончив все подготовительные работы, рыбаки начинали собираться на промысел: укладывали в мешки сети, наплав, увязывали колья, брали материал для починки, топоры, пилы, лопаты, полога для спасения от комаров ночью, хлеб, сухари, сахар, соль, крупу и другие продукты. (Но основной пищей на промысле была свежая рыба). Провизия складывалась в корноватики, которые искусно плели ханты из тонких древесных корней в виде чемодана большого размера или круглой формы, маленькие. Корноватик плотно закрывался крышкой и не промокал, хлеб в нем хранился долго.

С началом спада воды в реке выезжали на промысел. Ранним утром переносили все снаряжение на берег, грузили в лодку — полуневодник, в обласа, которые привязывали к корме лодки. При малой воде трудно было подниматься против течения на греблях, и мы, где позволял берег, тащили лодку бечевой, в которую иногда впрягали и своих друзей — сибирских лаек. При большой воде, когда были запиты поймы и течение несколько ослабевало, ехали напрямую через затопленные гривы от Черного мыса в направлении острова у речки Почекуйки и дальше на остров Банный. Если еще дул попутный ветер, то подымали с воды обласок, ставили на борта поперек лодки, и он заменял парус.

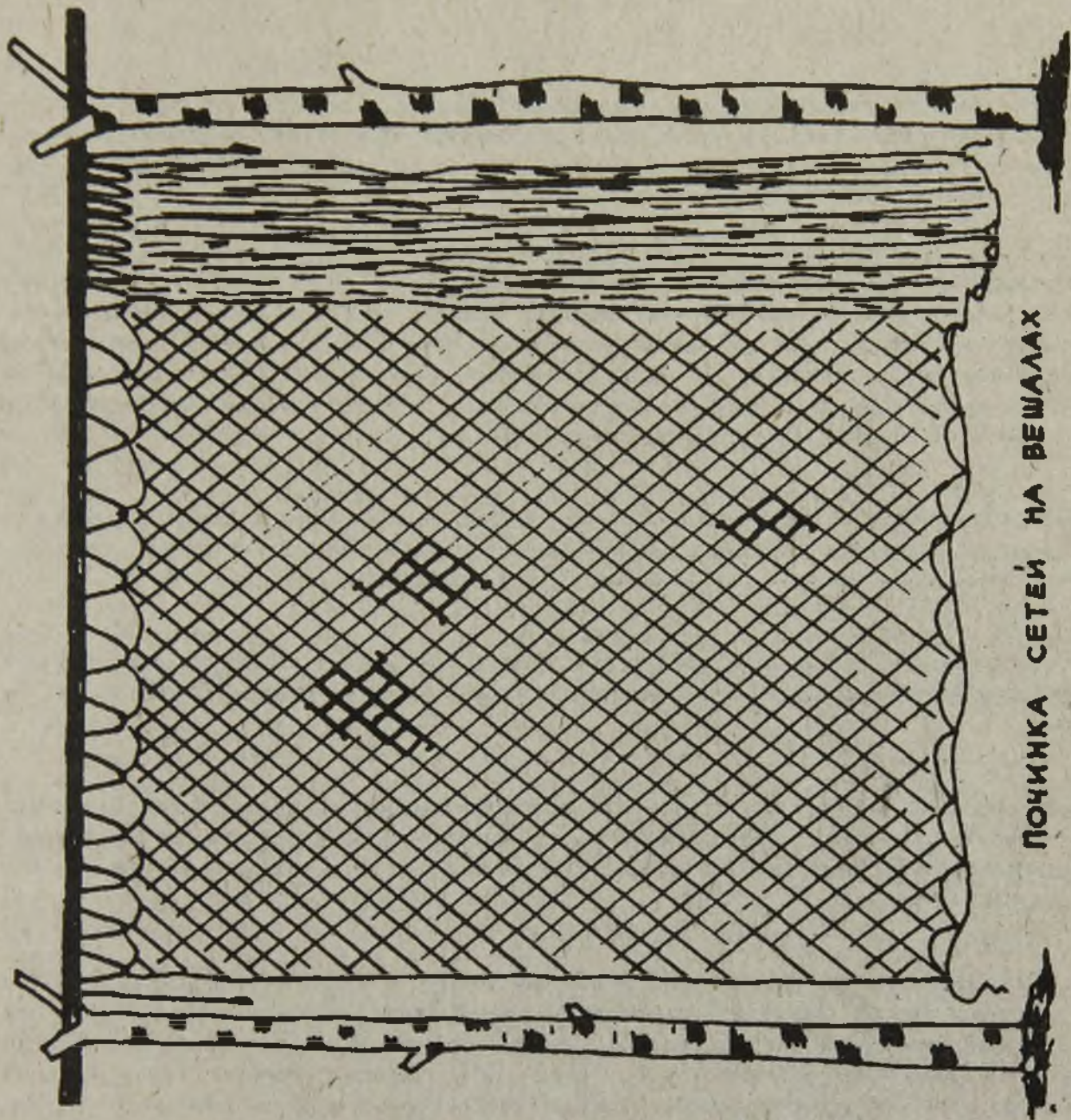
На рыбацком стане у берега стояла рубленая избушка, покрытая колотыми бревешками, а поверх их — берестом и дерном. Получалась земляная крыша. В боковых стенах были маленькие окна, справа от входа в углу — чувал, в осеннее время здесь ставили железную печь. Слева от двери у стены были устроены нары, на которых каждый рыбак знал свое место. Постель устраивали из свежескошенной и чуть подсушенной душистой травы. Поверх нее стелили брезент, на него — привезенную из дома постель, а над постелью устанавливали полог, сшитый из легкой ткани. Нижние кромки полога со всех сторон тщательно заправляли под постель, чтобы не попадали комары.

А. Кузнецов.
(Продолжение в следующем номере).

ВЯЗАЛЬНАЯ
ИГЛА

ПОЧИНКА СЕТЕЙ НА ВЕШАЛАХ

ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ

1893

Военное министерство намерено командировать в Сибирь 39 военных топографов, которые в течение 7-летнего срока, определенного для постройки сибирской железной дороги, сделают съемку полосы в 50 верст шириною по линии дороги на всем протяжении от Челябинска до Иркутска.

В министерство финансов недавно представлен сибирским капиталистом Гадаловым проект учреждения на реках Оби, Енисее и Иртыше срочного пассажирского и грузового пароходства. В настоящее время пароходы г. Гадалова совершают рейсы по названным рекам, но в неопределенные сроки. Поэтому г. Гадалов ходатайствует об учреждении акционерной компании срочного пароходства по этим рекам. Основной капитал компании определяется в 1250000 рублей, из 5000 акций, по 250 рублей каждая.

1 июня нынешнего года исполняется пятилетие со дня смерти одного из забытых сибирских поэтов Дмитрия Павловича Давыдова, скончавшегося в 1888 году в Тобольске. Дмитрий Павлович — автор слов песни «Славное море, священный Байкал».

26 июня пришел из Тюмени винтовой пароход А.М. Сибирякова «Север», направляющийся в Обскую губу с целью исследования местности для прорытия канала, который бы соединил Обь с Енисеем.

С прибытием рыболовных судов выяснился и нынешний улов рыбы на Оби. Улов этот можно считать очень благоприятным. Но цены будут не низкие, ввиду экстраординарных затрат, произведенных рыбопромышленниками нынешним летом на улучшение санитарно-гигиенического состояния рабочих.

Не так давно чрез Норвегию и Архангельск возвратился в Тобольск с Югорского Шара тобольский мещанин А.И. Тронтхейм, ездивший навстречу известной экспедиции Нансена, для которого он приобрел на севере Тобольской губернии ездовых собак и доставил их на пароход экспедиции «Фрам». Кроме встречи с неустрашимым путешественником, сама поездка Тронтхейма из Березова до села Мужи и далее, через северные отроги Уральского хребта, представляются довольно интересными.

По полученным сведениям, путешественник Джэксон решил исследовать полуостров Ямал. Он отправился один, вместе с несколькими самоедами, которые будут управлять санями.

Публикация Ю.С. НАДТОЧИЯ

СИБИРСКИЙ ШАМАНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Г. ТИМОФЕЕВ, историк-краевед.

Крещение киевлян в 988 году положило начало утверждению христианства во всей земле русской. Это величайшее событие принесло на Русь самую высокую по тем временам византийскую образованность, культуру и искусство, павшие на добрую почву славянского гения и давшие свой плод в исторической жизни народа. Православие способствовало спасению славянского мира, укрепляло духовный расцвет Древнерусского государства.

В XII веке православная церковь осталась единственной носительницей идеей русского народа, противодействовала центробежным устремлениям и междуусобицам князей. В церкви родилась русская национальная культура, она стояла у истоков русского национального самосознания, освященная религиозными идеями, уходящими своими корнями в славянскую языческую первобытность.

Мировоззренческое содержание языческих и христианских верований совпадало с верой в святых духов, сверхъестественные силы, бессмертные души, без которой кратковременная жизнь человека не имела бы смысла. Эти совпадения не только объединяли славянское язычество с христианством, они в полной мере соответствовали всей системе натурфилософии сибирского шаманства.

Трудно уловить хронологические рамки начала перехода аборигенов Севера от многобожия к единому верховному богу, но мифология о высшем божестве народов Югры Нуми-Торуме, подобном славянским богам Роду, Перуну, египетскому Осирису, о Миснэ — царице небесной, прародительнице мира, убеждает в том, что сближение идей сибирского шаманства с христианством насчитывает многие сотни лет.

Первый этап сближения сибирского шаманизма с христианством следует, видимо, отнести к тому периоду, когда начало формироваться русское государство, стремившееся не только к экономическому, но и политическому и идеологическому единству. Уже тогда становилось очевидным, что при сближении двух религий должна произойти замена шаманства иными формами религии, которые помогали бы объединить иноверцев и славян в нечто целое через новую религию.

Мировоззренческие основы христианства во многом совпадали с шаманской идеологией, выявляя единство в представлениях о бессмертии души, о второй жизни после смерти, о загробном мире и т. д. Христианство, медленно проникая к сибирским народам с момента вхождения Обского Севера и вотчины Новгородской земли, не вызывало сопротивления ему.

Медленное сближение двух религий охватывает собой весь период истории народов Обского Севера вплоть до присоединения Сибири к России. Великий сибирский историк и ученый С.У. Ремезов отмечал, что христианство проникало к вогулам и осякам задолго до покорения Ермаком Сибири. (Ремезов С.У. Историческая книга Сибири. М., 1701 г.)

В XVI веке русское правительство после присоединения Сибири по просьбе угорских князей образовало на Обском Севере два крупных района: Обдорию и Кондию. С этого момента началось бурное освоение восточных земель, опорным пунктом стал Верхотуринский острог, возникший в 1590 году на том месте, где в давние времена стояла вогульская крепость. Годом раньше вогулы Пелымского княжества и Большой Конды начали платить ясак Тобольску, обретая прочные экономические и культурные связи с ним.

В XVII веке, в самом его начале, происходит официальное признание христианства народами Севера там, где они близко соприкасались с русским населением. В Есиповской летописи отмечалось, что многие «... увидевши христианскую веру, крестятся и от неверия отпадают».

К этому времени относится принятие христианства кодскими князьями Алачевыми, которые просили царя «устроить в Кодском городке божий храм». В XVII веке в Сибири было 30 храмов, 12 монастырей, в том числе Кондинский Троицкий монастырь. Есиповские летописи отмечали, что «... еще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияет». Летописи тех лет свидетельствуют и о том, что народы земли Сибирской, познавшие суть христианства, добровольно принимали новую веру: «Избра Бог ни от славных мужей (ни от царских), ни от повеления воевод».

Означенные процессы у народов Обского Севера позволяют говорить о том, что христианство, вытесняя язычество, формировало у иноверцев религиозное двоеверие. Прав был русский философ В.С. Соловьев, когда писал, что «средневековое мировоззрение и связанный с ним строй жизни, как на Западе, так и на Востоке, представляет собой исторический компромисс между христианством и язычеством и имеет характер двоеверия или полуверия». Подобный процесс шел на всей территории Сибири.

В XVII веке на Обском Севере стали распространяться христианские легенды, предания и мифы. Еще в первой четверти XVII века в Тобольске в службах сибирского архиепископа появились специальные мастерские, которые изготовляли и распространяли на Обском Севере православные иконы, символику; лики святых и картины библейской истории.

В начале XVIII века после христианизации Югры в самых отдаленных юртах хантов, манси, ненцев, коми и селькупов имелись православные иконы, среди которых особенной популярностью пользовались иконы Николая Чудотворца. Профессор П.Н. Буцинский писал, что уже через 50 лет после завоевания Сибири Ермаком «мы встречаем христиан между сибирскими народами везде, где только утвердилось русское владычество. О добровольном принятии христианства писал В.К. Андриевич, который исследовал в XIX веке историю Сибири с древнейших времен до установления главенства Тобольска на Обском Севере и в Сибири. После крещения Югры, начало которому было положено митрополитом Филофеем Лещинским, государство и церковь объединили свои силы для культурного преобразования жизни и быта народов Сибири. Так, в царском указе от 1 сентября 1740 года отмечалось: «...чтобы новокрещенные с русскими брачались и через то сватовство и дружбу меж собой возобновляли, а наипаче для того, что, имея в доме своем зятя или невестку русских, таких дел, которые христианскому закону противны, в домах своих чинить опасаться будут и прежнее свое заблуждение до времени покидать и забывать станут».

Краевед Обского Севера прошлого века Н.А. Абрамов писал, что христианство без всяких насильственных мер, единственным путем убеждения начало проникать в мрачные страны Севера. Его современник А.И. Сулоцкий отмечал: «Я не встречал даже намека на то, чтобы сибирские иноверцы крещены были насильно». Об этом писал В.Павловский, автор книги «Вогулы», и многие другие.

Христианизация на Обском Севере ставила задачу вывести его народы из заблуждений и суеверий, из угнетающей их кабалы языческой магии, приобщить с помощью просвещения к православной церкви, к усвоению духовных ценностей Запада и Востока.

Однако шаманы стремились сохранить свои ритуальные традиции, и эта внутренняя борьба двух религий была закономерной. Но шаманство не могло противиться православию, которое, как часть мер русского государства, вело к приобщению народов Югры к русской культуре, к укреплению связей с Россией. Шаманы видели, что их соплеменники свыклись с верой в Христа и понимали, что православная церковь несет в себе огромные силы в совершенствовании души человека. Процесс слияния христианской веры с шаманизмом стал исторической необходимостью. Элементы слияния православных верований с некоторыми традиционными обрядами шаманства положили начало возникновению религиозного двоеверия. Такие процессы в XVIII-XIX веках происходили не только у народов Югры, но и большинства народов всей Сибири. «В шаманстве нганасан, — отмечала Г.Н. Грачева, — отражается вся система мировоззрения. В то же время нельзя не отметить, что оно впитало в себя и некоторые образы христианского пантеона». Поколение одновременно языческим и христианским богам отмечали Н.А. Алексеев, И.С. Вдовин, И.С. Гурвич, В.П. Дьяконова, Л.П. Потвпова и др.

Известный исследователь Обского Севера А.А. Дунин-Горкавич писал, что «христианство, не проникнув глубоко в сознание остяков, смешалось с языческими верованиями, в результате чего явились новые религиозные взгляды, представляющие из себя смесь христианства с язычеством с преобладанием последнего». Отмечая причины этого, ученый делает выводы, что «казымцы Полноватского прихода из-за его удаленности вынуждены ездить в Матлымский приход, и незнание богослужебного языка слабо сближает их с церковью». Исследуя процессы сближения христианства с шаманизмом, В.Н. Басилов подчеркивал: «Среди эвенков православие, начиная с XVIII века, утвердилось на равных правах с прежними верованиями и культом...»

Христианские обряды мирно уживались с обрядами жертвоприношений. «Когда, например, ханты или манси выходили на охоту или рыбалку, — писал Дунин-Горкавич, — кто не сделает приклада Ван-Ики, тот грешен перед богом».

В Тобольской губернии в середине XIX века насчитывалось на Обском Севере 7 тыс. вогулов и 17 тыс. хантов. По свидетельству историка С.С. Шашкова, все они были христианами. Однако он справедливо подчеркивал, что в Сибири формировалось не чистое христианство, а двоеверие.

Шаманизм и христианство — это закономерно сменяющие друг друга у народов Сибири ступени эволюционного развития человеческого духа, смены духовных ценностей, в которых религия была внутренней стороной культуры. Об этом же свидетельствовал рост православных центров в Тобольской губернии. В 1738 году в ней насчитывалось 374 церкви, в 1748 — 413, а в 1794 году — уже 623.

С 1833 года для ненцев была организована кочующая церковь. В 1900 году на хантыйском языке издана «Еманч Ястопа» («Священная книга»). Жизнь подтверждала, как отмечалось в одном из архивных документов, что «истинное просвещение инородческих племен и сближение их с русским народом прочнее всего может совершиться на почве религиозной».

Итак: двоеверие на всей территории Сибири в XIX веке было бесспорным фактом. Перенесение на Нуми-Торума, Миснэ, Суснэ-Хума, Корсар-Торума главных черт христианских божеств соединяло их со всеми свойствами и функциями, отражавшими моральные и нравственные нормы, характер хозяйственной деятельности и бытового уклада жизни народов Сибири. Более того, ханты, манси и ненцы ближе воспринимали образ Иисуса Христа, чем Нуми-Торума, потому что русский Бог заботился о спасении душ своих почитателей, о земных нуждах человека и был более приближенным к реальным вещам, нежели ипостась Торума, который все заботы о людях передоверил своим помощникам — духам.

Еще ближе к верующим северянам был Николай Чудотворец, наделенный православием покровительством рыбаков и властью над водной стихией. Именно этим объясняется тот факт, что в прошлом веке почти в каждой юрте хантов и манси висели иконы Николая Чудотворца, а выход на массовый лов рыбы сопровождался молитвой шамана святому Николаю, Иисусу Христу и Пресвятой деве Марии. Одновременное упоминание при этом языческих духов сопровождалось молитвой перед православными иконами и целованием нательного креста.

Поклонение кумирам и языческим идолам слилось у народов Севера с почитанием православных икон. Языческие праздники, как и языческая символика, приобретали двойственное значение: Пасха, как воскресение Христа, совпала с национальным праздником и ритуалом воскрешения природы, Спас совпадал с началом вонзевого лова рыбы на Оби, а в Ильин день по традиции приносили ханты и манси кровавые жертвы своим грозным божествам Корсун-Хуму и другим.

Но бог Нуми-Торум по-прежнему представлялся северянам «лучезарным, золотым и ослепительным». В его руках судьбы людей, богов, животных. Он создал Землю, опоясал ее золотым поясом, чтобы она была прочнее, превратил этот пояс в Уральские горы, вызвал потоп, сотворил людей, рыб, птиц, лесных животных, научил рыбной ловле, охоте, дал людям лодку, сети, а когда он все это сделал, удалился на небо.

Двоеверие скреплялось параллелями евангельских и шаманских «духоговорений». Как общественные, так и частные (приватные) молитвы в документах Тобольского архива, «так же просты, как и они сами...» Иногда они обращаются к Богу, иногда к нескольким богам со словами: «Даруй нам здоровье», «Дай счастливой охоты», «Даруй мне потомство», «Отгони болезнь и смерть». А.И. Сулоцкий по этому поводу писал: «Молитвы произносили всем богам вместе, и походят они на молитву Римской церкви».

Однако в системе двоеверия крещеные ханты и манси по-прежнему продолжали исповедовать старую языческую веру, но традиционные их представления под влиянием христианства сильно трансформировались. Вот почему, обобщая исследования по формированию религиозного синкретизма у народов Сибири, С.А. Токарев сделал вывод о том, что «верования, которые описывались наблюдателями в конце XIX — начале XX века, составляют продукт религиозного синкретизма шаманско-православного двоеверия».

Православная церковь, учитывая это, в начале XX века ставила определенную цель: не подвергать языческие верования резкой ломке, а постараться привести их ближе к христианству. Это решение Казанского миссионерского съезда 1911 года Священный Синод принял и добавил: «...с остатками и пережитками язычества между крещеными инородцами поступать с мудрой осмотрительностью..., а в отношении обрядов, за которыми язычники признают как бы догматическое значение или национальное, стараться предоставить им значение христианское, освящать молитвой».

Христианство не противоречило основополагающей сути шаманизма. И процессы складывания христианско-язычского синкретизма к началу XX века были объективным историческим фактом перехода от сибирского шаманизма к православной вере. Октябрь 1917 года разорвал эти процессы, разрушив и православную веру, и сибирский шаманизм.

Можно ли теперь, в период возрождения православия в России, реанимировать шаманизм? Шаманизм утрачен у нас безвозвратно, и возрождение религии народов Обского Севера теперь возможно только на христианской православной основе.

О МОЕМ ОТЦЕ

*«...два чувства равно близки нам:
любовь к родному пепелищу,
любовь к отеческим гробам».*

(А.С. Пушкин.)

Мысль Пушкина глубока: не только чтим память предков, но осознаем свою причастность прошлому. Могильный холмик в конце жизненного пути напоминает каждому о неотвратности судьбы, о жизненных обязанностях. Все, что накоплено опытом предыдущих поколений, выстрадано ими на ошибках и заблуждениях, успехах и открытиях, не должно пройти бесследно. Эстафета опыта и памяти должна идти дальше. Если мы, конечно, стремимся к поискам подлинно человеческого бытия на земле.

Грустно, что зачастую эти мысли приходят поздно. Но рано или поздно, думая о будущем детей и внуков, мы возвращаемся к опыту отцов. Забыть это прошлое, — значит прервать нетленную «связь времен». Ее разрыв чреват пустотой души и духовным одиночеством. Ибо фундамент будущего складывается из кирпичиков прошлого.

Мы начинаем публиковать (частично) дневники одного из тех людей, кто честно и мужественно жил в эпоху сталинизма, испытал все тернии того времени и сохранился Человеком до конца. Этот человек — мой отец.

Кто он? В центре березовского кладбища, между двух высоких елей — скромная могила. «Гладкий Иван Федорович (1896-1944)» — написано на гранитной доске: Прошло много лет после его смерти, но тропинка к его могиле не зарастает. И верю: пока живы люди его поколения и их дети, которых он лечил, его будут помнить. Врач он был, как говорят, «от бога»: помощь больным, страдающим была смыслом всей его жизни, призванием.

Когда отказывали в работе (как политически неблагонадежному), соглашались работать бесплатно. Часто в непогоду по вызову больных один выезжал в юрты на калданке (маленькой лодке) или выходил на лыжах. Нередко эти выезды были связаны с опасностью для его жизни. Вот описание только одного (но типичного) дня работы сельского врача — 23 августа 1938 г.: «В 8.30 пошел в больницу, посмотрел трех тяжело больных и побежал на прием в амбулаторию. Принял 45 человек. Закончил в 14.30. Ушел домой, наскоро поел, вызывают в больницу — необходимо осмотреть пищевиков. До 17.30. работал в больнице, затем провел осмотр пищевиков. Посетил больных на двух квартирах, вернулся в больницу, а здесь уже вызов на катер, где лежит больной командир. Отправился. После помещения больного в больницу около 23 часов лег спать, а в 0.30. разбудили, надо идти в КПЗ, где есть раненый. Сколько же времени продолжался рабочий день? 17 с половиной часов напряженной умственной работы...»

Что осталось в памяти детей? Справедливость во всем, требовательность к себе и другим, трудолюбие, неприятие безделья (эти качества он старался привить и нам, детям: не чураться никакого труда! не бояться трудностей!), честность и щепетильность. Не случайно в юртах он снискал безграничное доверие и любовь. Это мы почувствовали в день его похорон, когда больничный двор наполнился людьми в малицах, только что приехавшими из ближайших селений (плохая весть быстро разлетелась). Провожали, как отца родного.

Многие недоумевали, и прежде всего он сам, как он мог быть исключенным из партии и сосланным далеко от Ленинграда? В первые годы отец писал заявления о нелепости предъявленных ему обвинений. Сохранились копии писем Ежову, Берии, в ЦКК ВКП(б). Все было безрезультатным: он был песчинкой среди миллионов пострадавших.

Во время войны ему казалось неудобным думать о своей судьбе и просить о пересмотре его дела. Он обращался в высшие инстанции с одной просьбой: отправить на фронт в любой

фронтальной госпиталь. И в этом отказано. В 1941 г. погиб на фронте единственный сын (студент-медик). Оставалась надежда, что окончится война и справедливость восторжествует. Увы, реабилитация пришла только после XX съезда партии и уже не застапа его в живых.

В 1944 году на пароходе, где он ехал как частное лицо, началась эпидемия тифа (везли в трюме переселенцев). Верный клятве Гиппократата, он не мог оставаться в стороне, дни и ночи помогал больным и в итоге — погиб сам.

Прошло много лет. Но в воспоминаниях людей он остался настоящим человеком, гражданином, редкостно одаренным и отзывчивым врачом.

Дневники Иван Федорович вел с юности. Первые относятся к 1918-1920 гг. Здесь записки о гражданской войне, вступлении в партию, партийных дискуссиях тех лет, о работе в крымском госпитале. Быть в партии, считал он — значит делать больше, лучше, видеть дальше. Серия дневников 1937-44 гг. Для кого он их писал? Думаю, для себя в первую очередь: хотел сохранить в памяти березовский период жизни, опыт лечения местных болезней, наблюдения над краем и, конечно, свою борьбу за реабилитацию. Они остались для нас, как память о дорогом человеке. Но может быть они будут чем-то интересны и другим — тем, кто интересуется историей края.

Е.И. БОРОДИХИНА

И.Ф. Гладкий

ИЗ ДНЕВНИКА

Случилась жизненная катастрофа. Жизнь, которая, казалась, шла ровно и спокойно, уверенно и целеустремленно, вдруг резко повернула в сторону.

Как ни странно, как ни чудовищно, но факт остается фактом — я со всей семьей еду в ссылку, в далекий Березов на крайнем севере Омской области.

Случилось это вот каким образом. 22 апреля 1937 г. меня исключили из партии как бывшего троцкиста. Хотя в жизни троцкистом я никогда не был, но формальный предлог для обвинения нашелся. И вот какой. В 1923 г. в г. Сольвычегодске на одном из партийных собраний я выступил с такой речью: «Генеральную линию партии мы должны признать правильной и резолюцию своевременной, но я боюсь, что на партсобрании мы только поговорим, а в жизнь свои решения проводить будем плохо. В письме Троцкого я не вижу какой-либо платформы, ошибки, им указываемые, могут иметь место...» Эта речь, о которой я совсем забыл, и привела к катастрофе...

16 июля мне предложено было выехать из Ленинграда, спешно ликвидировать и дела, и квартиру со всем ее барахлом, пришлось бросить библиотеку. Правда, специальную литературу я взял с собой.

Что представляет из себя Березов? Знаю, что это известное место ссылки еще с начала XVIII века. Таким оно, видимо, осталось и теперь. Условия переезда были жуткими. Из Ленинграда пришлось выехать в общем, битком набитом вагоне. Жара, духота, пыль, грязь. Окна вагона открыть нельзя — засыплет пыль /трудность ситуации усугублялась еще и тем, что младшей дочери было только 5 месяцев. — Е.Б./

Строчки из дневника чередуются с комментарием, составленным на основе дневниковых записей Е.И. Бородихиной и выделенным курсивом.

В Омск приехали на пятые сутки и снова очереди в НКВД, а до этого — поиск жилья. 27 июля на пароходе выезжаем в Березов. Народу невероятно много, теснота в IV классе неимоверная. Арестованных везут лучше: им не надо беспокоиться о хлебе и о билетах.

Едем без указания срока, вины, какой-либо статьи из УК.

15 августа. С 4 августа работаю врачом Березовской больницы — терапевтом. Фактически приходится быть и глазником, и специалистом по ушным болезням, кожником и гинекологом, обязательно — хирургом. И это мне — эпидемиологу чистой марки и частично инфекционисту.

Однако чувствую себя вполне уверенно.

Обратил внимание на распространённое заболевание, не характерное для большого города, а только для местных жителей, питающихся зачастую сырой рыбой, консультируется с ленинградскими специалистами, просит прислать специальные карты для обследования местного населения.

По приезде сюда хотел чувствовать себя настоящим гражданином, не мирился с недостатками и на одном из производственных совещаний резко высказался против местных порядков.

И действительно: а) больных кормим скверно, б) одно время больница сидела без дров, керосина в) больница в клопах, часто вши, белья мало и т.д. И я расвирипел на свою голову. Тут своего рода круговая порука...

Вскоре «по сокращению штатов» И.Ф. Гладкого увольняют с работы и выселяют из комнаты. На работу, после длительной борьбы и беготни, удалось вернуться только в декабре. Восстановили, но оскорбительно мало платят, а в семье 6 человек, из которых трое — дети.

30.XII. 1937 г. Человек надеждами живет. Основная надежда — на пересмотр дела об исключении из партии — рушилась. Вчера получил из ПК КПК письмо от 15.XII. 37 г. за № 40 о том, что в пересмотре решения об исключении меня из партии мне отказано, т.к. я не опроверг предъявленных мне обвинений. Не опроверг! Да в том-то и трагедия выражается, что обвинений мне не было предъявлено.

12 февраля 1938 г. Сегодня выехал в командировку в Шайтанский детский городок и в Анеевский нац. Совет. Нахожусь сейчас в Шайтанском детгородке. Направления для ликвидации скарлатины и для инструктажа фельдшерам. Осмотрел 12 дошкольников из 4-го общежития.

Из них оказалось больных трахомой — 7, рахитом — 3, теодермитом — 1, порок сердца — 1. Есть и другие заболевания. Детишки не знают своих лет.

14 февраля вечером созвал общее собрание воспитателей и педагогов, где сделал доклад о результатах медосмотра. Очень резко критиковал постановку воспитательной работы, т.к., по моему глубокому убеждению, она является (ее низкий уровень)причиной повышенной заболеваемости трахомой и кожными заболеваниями. В школе холодно, ребята в малицах. А местные власти равнодушны, не используют возможностей. Например, у рыбацкой артели 62 тыс. свободных денег, почему бы их не использовать? Систематически необходимо осматривать детей в яслях, где также обнаружены и трахома, и туберкулез.

Узнал интересные бытовые привычки местного населения, ставшие предрассудками:

1. Женщина не может стоять на сене, переходить через платок, веревку. Замужняя женщина не может показывать лица старшим. Во время менеструус женщина считается нечистой и уходит жить в манакол (маленький домик), доступ к ней воспрещен и т.д. Спят манси все аповалку на невысоких нарах. Спят в своих «ягушках» (своего рода малицах) и в кисах, под себя ничего не подстилают. Среди манси попадаются и глубокие старики, которым далеко за 100 лет. Оказывается, и в таких условиях можно жить, если человек привыкает.

21 февраля 1938 г. Вечером вернулся в Шайтанск. Из Анеева выехал 18 утром, под вечер приехал в Игрим, где провели комиссию по осмотру допризывников. После осмотра составили проект перепланировки здания медпункта под стационар с глазным отделением. 19/11 днем принимал больных в Игримской больнице и к вечеру уехал. По пути приехали в летние Люлюкарские юрты, где принял 12 человек, далее — в зимние, где принял 9. Утром выехал в Ванзетур, где меня ждали для осмотра нескольких тяжело больных.

Кроме того, на прием пришло 30 с лишним человек. Осмотрел и учителей местной школы. Провел осмотр больных детей в стационаре, а вечером в общежитии организовал беседу для старших детей о вреде табака. 22 февраля закончил осмотр школьников. В школе учится 54 ребенка, на осмотр явилось 45. Из них больных трахомой около 10. 24-го вернулся в Березов и сразу же приступил к работе в больнице и амбулатории. Такова работа врача только за 3 дня!

Недопустима спешка при осмотре больных. Необходимо хоть бы пару минут посидеть у больного. Не только дать печебные указания, но очень важно успокоить, внушить ему надежду на выздоровление, даже если сам считаешь его дело безнадежным...

С начала 1938 г. начал проводить систематические занятия с медсестрами больницы.

В конце марта 1938 г. вопрос о здравоохранении в округе ставился на пленуме исполкома в Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске). Свои замечания и предложения направляет и И.Ф. Гладкий. Отмечает повышенную заболеваемость: 1. туберкулезом (легких, костей и желез), 2. ревматизмом, 3. пороками сердца, 4. глистами, 5. трахомой, 6. дизентерией и кишечными заболеваниями в летне-осенний период времени, 7. туляремией. Нет подробной статистики заболеваемости, т.к. регистрируется далеко не каждый больной из-за недостаточно развитой медицинской сети.

Каковы причины повышенной заболеваемости?

Туберкулез: а) В основном причина кроется в неудовлетворительных бытовых условиях населения, низкой его культуре и отсутствии санитарно-гигиенических навыков. Больной выделяется из семьи (да и то не всегда) только тогда, когда его положение уже безнадежно. Отсутствие отдельных кроватей, общая еда, посуда способствуют распространению заболеваемости. в) Недостаточное количество витаминов. Население питается в основном неплохо, но витаминов в пище мало. Плохо развито огородничество, в частности, посадка овощей — капусты, моркови, репы, лука и т.д. А вырастить, по-моему, можно. (В последние годы для больных силами сотрудников был вскопан особый огород. — Е.Б.). Недостаточно заготавливается и ягод на зиму — в них запасы витаминов. с) Недостаточным использованием солнца, учитывая короткий период лета.

Ревматизм суставов. Занимаясь рыбной ловлей, большую часть года рыбаки вынуждены

проводить в воде. Неудовлетворительна обувь рыбаков, она пропускает воду. Результат охлаждения — большое наличие не только ревматизма, но и сердечных пороков. Необходимо снабдить население хорошей резиновой обувью, особенно рыбаков!

Глистные и кишечные заболевания. Здесь несколько причин. а) Привычка есть сырую и мороженую рыбу, которая нередко заражена личинками глистов. б) Очень плохое водоснабжение, особенно в Березове. Колодцев нет, вода доставляется из Сосьвы. Весной и осенью добраться к воде очень трудно, вода берется вместе с илом. Здесь же стоки воды из поселка, от рыбзавода. в) Через собак, которых здесь очень много. Собаки играют с детьми; заражаясь сами, заражают и людей.

Трахома. Причина: резкий недостаток, если не полное отсутствие, санитарно-просветительской работы.

Туляремия. Болеет много рыбаков, заболевают люди на уборке сена. Причина: водные крысы, их было больше в связи с большим подъемом воды. Крысы скучивались на небольших участках земли, заражали друг друга и насекомых, через них — людей.

23. IV. 38 г.

18-22 апреля ездил в командировку в Шайтанский детгородок. Осматривал ребят, воспитателей и лечил учительницу Е.А. Котовщикову. 21.IV. поехал обратно, причем решил взять с собой и Котовщикову для определения ее в больницу. Поехали на двух лошадях. Я впереди, Котовщикова сзади. Не доезжая Шайтанских юрт, лошадь наша провалилась под лед, видны были только уши. Я моментально соскочил с розвальней, чтобы остановить лошадь Котовщиковой, едущей следом за нами. Ямщик Котовщиковой, молодой парень, бросился с топором вперед, к нашей лошади, и сам провалился. Едва удалось спасти его при помощи жерди, которую я настоял взять с собой. Вытащил парня. Затем стали вытаскивать лошадь. А лошадь старая, уставшая, никакого содействия нам не оказывает. После долгих мучений лошадь вытащили на лед, но уже мертвую. Что делать? До Березова еще 30 км., отъехали 4. Решили вернуться обратно в Шайтанск. И только тогда заметили, что дорога до крайности плоха. Я шел впереди лошади и жердью проверял устойчивость льда. Зачастую моя жердь уходила под лед и не достигала дна. Вот какие неожиданности подстерегают врача в пути. А иной дороги (и судьбы) нет. Придется, должно быть, остаться в Березове до той поры, пока работать можешь, или пока не изменится общая обстановка. Работу люблю, без нее жизни не мыслю, но положение беспаспортного гражданина, положение бесправия угнетает.

В конце июля снова поездка по району. За неделю обследовано население и оказана медицинская помощь в Шухтунгорте, Нерге, Игриме, Милитенпауле, Люлюкарах Верхних и Нижних, Ванзетуре, на рыболовецких песках.

В 1938 г. начались публикации в газете «За большевистские колхозы» — советы по уходу за больными, предостережения от заболеваний детей и т.д.

7. IX. 1938 г.

Живу я для работы. Впрочем, я по натуре создан не для увеселений и наслаждений жизнью, а для работы. И она не тяготила бы меня, если бы не причины моего пребывания здесь и условия, которые поневоле сравниваешь с ленинградскими. Почти каждый больной представляет из себя загадку, ребус, который надо разгадать. А разгадать этот ребус в березовских условиях без лаборатории, рентгена, консультаций специалистов бывает очень трудно. А диагностика конкретного больного зачастую не ждет.

Условия таковы: лечишь ребенка, а надо воспитывать прежде всего мать. Ибо иногда ее заботы ведут к болезни, вызывают вред для ребенка, а иной раз и губят его. Недопустима спешка в работе врача. Спешка врачей настраивает соответственно и больных. Каждый хочет скорее освободить врача. И бывают казусы даже с подростками, когда на вопрос врача: «Что у тебя болит?» получаешь ответ: «Голова в горле болит...»

8.IX. Необходимо в центральной медицинской прессе поставить актуальный вопрос: об обслуживании дезинфекционным делом сельской медчасти. (Такой санпропускник будет построен в Березове, который свою особую роль сыграет во время длительных перевозок переселенцев на пароходах. — Е.Б.)

12.X. Сегодня поневоле пришлось стать хирургом. Вечером поступила больная с явлениями непроходимости. Утром обнаружил бедренную грыжу. Что делать? Без операции положение больной совершенно безнадежно, да и при операции мало надежды, но хоть какая-нибудь есть. Попытались вызвать скорую помощь из Омска, но у нас ледостав, самолет вылететь не может. С ведома РИК пошли на операцию. Если будет жива — будет чудо! Если бы это чудо осуществилось!

16.X. Больная моя живет. Однако положение ее все-таки крайне тяжелое. Начинается послеоперационная пневмония. Но с операцией она тем не менее живет, значит, сохраняется надежда.

Занимаюсь с медсестрами. Занятия посещают и санитарки. Составил программу, начали с курса инфекционных болезней. Затем перейдем на соматику, разберем болезни желудочно-кишечного тракта, печени и почек. К занятию привлекаю и фельдшеров. Всем им дал определенные темы, пусть готовятся и докладывают. Для них это несомненно будет полезно.

22.X. Оперированная мной живет! Жизнь больной спасена, а это самое важное, что может быть для врача.

18.XI. Больная живет и поправляется. Скоро можно выписывать. Это достижение.

Сегодня пришлось быть и травматологом. Поступил больной с вывихом плечевого сустава. Беда. Побежал домой, почитал БМЭ и «Травматологию» А.Л. Поленовой. Вправил. По методу Кохера. Bravo, товарищ эпидемиолог!

5.I. 1993 г. Произошло и еще одно чудо: перед Новым годом на общем собрании сотрудников учреждений здравоохранения меня перевели в число ударников!

14.I. Ездил в Ванзетур. Вызывала ф-р Песоцкая С.М. к больной, у которой после родов началась лихорадка. Кроме того, осмотрел около 40 больных. Исключительно много трахомы. На обратной дороге остановился в Чуанеле, где также осмотрел больных. Был в Шайтанске, смотрел ребят и общежитие.

В дороге было очень холодно, выручал только тулуп, хотя идти в нем трудно. На обратном пути видели много куропаток. Сидят у самой дороги — и на кустах, и на снегу. Удивительные здесь места, чистая, нетронутая природа. Ямщик П.С. Михеев утверждает, что осенью, поздней ночью к нему в лодку заскочили три крупных щуки. Невероятно, но человек говорит правду.

Медленно, но жизнь сельских врачей и условия их работы начинают меняться к лучшему. Так, 20 декабря 1938 г. И.Ф. Гладкий получил от зав. облздрава (г. Омск) Яхнина следующее письмо: «В связи с тем, что до сих пор в отдельных районах не созданы еще все необходимые условия для работы врача на селе, как это требует правительство в своем постановлении от 23/IV-1938 г. об укреплении сельского врачебного участка, очень прошу Вас в ближайшие дни сообщить мне письмом подробнее о себе, о своей работе, об условиях работы, о Ваших предложениях и пожеланиях. Поделитесь достижениями, скажите, что нужно еще сделать, чтобы улучшить условия работы, обслуживание больных и оказание медицинской помощи населению района. Укажите, в частности, как помогают вам районные организации, райздрав.

И.Ф. Гладкий незамедлительно отвечает. Отмечает, что необходимо готовить для сельской местности врачей широкого профиля, учитывая оторванность районов от центральных клиник. «Березов, например, в осеннюю и весеннюю бездорожицу оказывается оторванным на продолжительное время от окружного центра и приходится оказывать любую помощь, какая потребуется. Особенно по амбулатории. Нам надо создавать культурную, уютную, хорошую обстановку для больного. Надо, чтобы амбулатория даже своим внешним видом поднимала культурный уровень больного, повышала его культурные навыки, вызывала уважение со стороны больного. Мы этим похвалиться пока не можем.»

Пишет о том, что в Березове много туберкулеза. И в местных условиях вполне реально устройство дома отдыха, а затем и санатория.

(Окончание в следующем номере).

Деревня на острове

Вниз по Малой Юконде и по Большой Юконде, по реке Конде плыли мы в лодке, выдолбленной из осины.

На берегах Малой Юконды сосны, лиственницы и кедры, а берега размыты водой, и деревья с грохотом рушатся в реку, загораживая течение. Лодку надо нести на себе, тащить волоком в двенадцати местах, прорубать путь топором.

Шумят, пенятся водные потоки.

Но не с этого начну свой рассказ. Сначала расскажу, как я дома жила. А про то, как в легкой осиновой лодке плыла я учиться, расскажу позже.

Деревня Хармпавыл стоит на островке.

Реки. А дальше болото и лес. Со всех сторон струятся водяные потоки, бегут потоки Юконды: быстрая шумная Васкаптынья, Хармья — тихая, ленивая речка.

В теплой Хармье купаются девушки летом, девушки и парни, но ни у кого не явится желание выкупаться в быстрой Васкаптынье — студенее самой зимы вода в ней.

Хармья и Юконда кормят нас. Когда загораживают реку запором, рыбы столько, что можно черпать ее ведрами, доставать из воды руками.

Берега Малой Юконды обрывисты. На одном берегу темная тайга, а на другом — песок белый, как снег, и цветут цветы.

Шиповник. Черемуха. Княженика. Рябина. Брусника.

Весной прилетают утки из теплого края.

Осины шелестят, шелестят, шепчут что-то нам, когда с Малой Юконды дует тихий ветер.

Речные потоки пенятся, несутся, куда ни погляди, шумят, а там, где пороги, грохочут, как гром. Но зато какая тишина на озерах! Озеро на языке народа манси называется «тур». Курсель-тур, Сальтпатылям-тур. В светлых водах — ельцы, язи, щуки, окуни.

Детство мое! Здесь я родилась, здесь я пошла в школу!

«Деревня на острове» — глава из автобиографической повести Матры (Матрены Панкратьевны) Вахрушевой «На берегу Малой Юконды», одного из первых произведений мансийской литературы. Повесть переведена на русский язык Г. Гором и А. Баландиным и напечатана в Тюмени 30 лет назад.

Осенью вместе с родными ходила в тайгу собирать бруснику.

По тропке шла, по болоту, с кочки на кочку, все дальше и дальше в темный, глубокий лес. Ставил там отец шалаш. И жили мы в шалаше, спали, подстелив под себя мох, пахнувший сосновым бором. По пятьдесят пудов собирали брусники и оставляли ее в карусах, длинных ящиках, в тайге, а сверху закрывали сосновыми бревнами, чтобы не забрался медведь. Но разве для медведя это что-нибудь значит?

Вот как это случилось. Я сейчас расскажу. Выпал снег, и отец запряг лошадей в сани, чтобы ехать по первопутку в бор за мороженой брусникой. Захватил он и сынишку с собой, Александра. Карус с мороженой брусникой стоял за болотом в лесу, и местность эта называется Лорилляп. У охотника глаз наметанный, отец сразу заметил беспорядок в тайге.

У кого хватит силы сломать такое толстое дерево, вырвать с корнем? Не надо и спрашивать, кто побывал здесь. Видно сразу по повадке.

Отец с сынишкой, с братом моим, оставили сани с пошадью на дороге, а сами пешком пошли. Идут, осторожно ступая. Впереди на снегу что-то краснеет, как кровь. Вот так! Кто-то топтал ягоды, размазал их по земле: где ел, тут и набезобразничал. Кто способен на такую шалость?

Поднял отец доску, а в карусе сидит медведь. Затаился. Увидел отца, как заревел, и лапу поднял, чтобы ударить.

Выстрелил отец в него, убил с одного выстрела.

Сидим мы в избе, ждем отца, вдруг слышим выстрел. Догадались сразу, что будем есть сегодня медвежье сапо.

Запаяла собака, потом другая, третья, четвертая, а потом все сразу.

У нас было семнадцать ездовых и охотничьих собак. Одна — на медведя, другая на соболя, на лося, на оленя, на выдру, на белку и была еще собака, которая лаяла на мелкую лесную дичь — пустилайка. Боже упаси взять такую собаку на беличий промысел! Обманет. Залает она, посмотрит охотник, а на ветке ничего нет.

Детство мое! Голос матери, трубка отца, которая весь день дымилась!

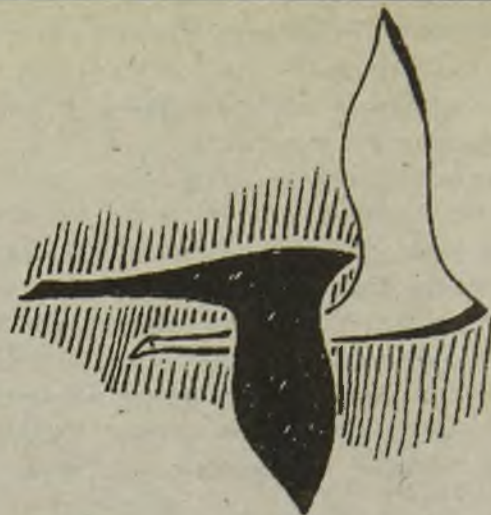
Будто сейчас слышу смех братишек, пай собак, шум бегущей воды летом, свист ветра в зимнюю пору.

Рис. А. Мухаметовой

БЕЛЫЕ КРИКИ

Твой дед
На лебедей охотился.
Он слыл добычливым охотником
И добрым человеком.
И в лютые морозы
Люди его рода
Надевали
Теплую лебяжью одежду.
У них не было своих оленей,
А ДЕТИ ПРОСИЛИ ЕСТЬ.
И поэтому в летнее время
Они запасались лебяжьим мясом,
Заменяющим оленьё,
Закладывая под мох
В вечную мерзлоту.
Может, поэтому они и выжили?..

Твой дядя
На лебедей тоже охотился.
Некоторые
Круглозадые жены
Приезжих геологов длиннорублевых
Поили его самогонкой
И скупали
Невыделанные,
Кровяные,
Наспех ободранные,
Выпинявшие
Лебяжьи шкурки,
Чтоб потом сшить из них
Себе и дочерям
Модные шапочки.
А назавтра
Твой дядя
С головной болью,
С жаждой в душе и в желудке
Снова отправлялся на далекие озера
И яростно расстреливал
Белые крики...
Многих модниц он одел
В пушистые лебяжьи шапки,
Но почему-то
НИКТО И НИКОГДА
Не называл его
Удачливым охотником...
А потом
Врач-эксперт
Вынес заключение:
«Отравление алкоголем».
А может,
Не только это?
Когда мы хоронили его,
Над стойбищем
Прозвучали белые,
Мне показалось,
Торжествующие,
Лебединые крики...

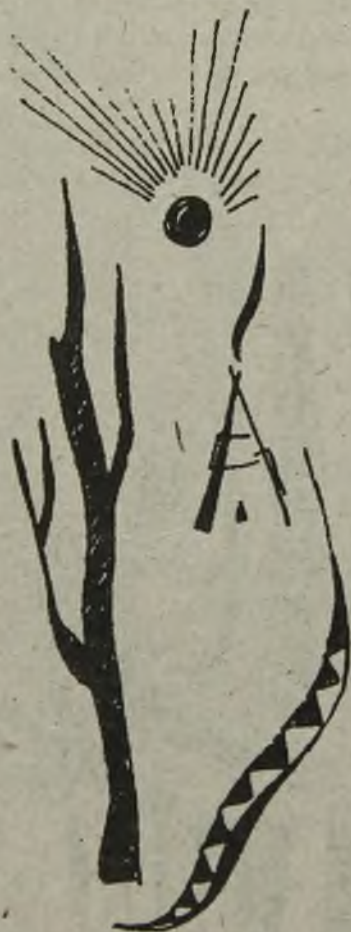

Рис. А. Мухаметовой

Поэзия
Ю. Вэлла

В гнездышке одиноком

Маленькая повесть

Глава 5

В стойбище поселилась тягучая неопределенность. Анна не знала, что стало с Дарьей, с детьми. Она мало верила, что уехавшие доберутся до Вутвоша. Медленной чередой проходили дни ожидания.

На землю пришла весна. Она напоила реки и озера влагой, размела на болотах кочки, разгребла возле пней и под деревьями проталины. Под руку с весной приковылял голод. Запасы оленины пришли к концу: куропатки, дававшие зимнее пропитание, улетели дальше на север. И теперь девочки целыми днями ходили по лесу, собирали прошлогоднюю бруснику и клюкву, раскапывая их из-под снега.

Огять голод не давал Анне спать, но однажды ночью... Чувствует она, будто незримая паутинка на лицо ложится, тепло в сердце рождается, по телу расходуется, и раздался спокойный, ласковый голос мужа:

— Не бойся меня, жена. Внимательно слушай. Не телом своим я к тебе пришел, а тенью. Тело в большом городе умирает, вот попрощаться зашел... Не бойся меня, единственная. Была ты хорошей женой, была ты хорошей матерью, да оставил я вас... Моя вина. На узелок судьбы твоей я, Анна, глянул, долгую жизнь ты проживешь. Многие раньше тебя из Среднего мира уйдут... Крепись, жена. Я ждуть буду, ждуть...

Все слабее становится голос, затихает совсем... уснула Анна.

Хорошо выспалась женщина в эту ночь, а утром развела третий поминальный костер. С удивлением глядят на нее дети.

— Сегодня отец ваш из нашего мира ушел, — объясняет Анна.

— Мамочка, может, ошибаешься ты? — с испугом спрашивает Марья.

— Нет, доченька, нет, милая, ушел он. Знаю я.

Костер горит, прошлое озаряет, прошлое оживляет. Едет молодая девушка с отцом и матерью в соседнее стойбище на праздник медведя. На двух нартах едут, второй упряжкой Анна правит.

Легко бегут олени по наезженной дороге, мерно колышутся нарты. Чистота. Простор. Мелькают в глазах Анны белые шубы спящих деревьев, голубое небо, желтое Солнце. Светло и свежо на сердце девушки.

Бегут, бегут олени по серебристому снегу, но вот уже кажется Анне, что вовсе не бегут они, а летят. Летят над дорогой. Летят над лесом. Сколько света! Сколько простора! И запела, запела Анна слова из песни о юноше-богатыре:

— Острых деревьев

Верхушки только,

Нарты огромной

Краешком только

Он задевал,

Так он мчался...

Летит девушка над лесом, песню поет. И льются из памяти легенды о прошлом края, зримо поднимаются из небытия сильные и ловкие богатыри, что жили на первозданной земле. И тянется душа Анны в то далекое, мечтает она вровень с богатырями встать.

Поет Анна.

Мерно цокают олени копыта, показывается стойбище, спускается Анна на землю. И вдруг... совсем иные чувства на девушку нахлынули. Неведомый ветерок грусти повеял, мягким волнением ее обволокло, сердце предчувствием заняло. «Что будет? Что?»

Подходит Анна к дому. Громко и сладко бьется сердце. И только открыла девушка дверь, тут же погрузилась в ласковое сияние глаз незнакомого юноши. Один лишь раз встретились их взгляды, но будто Солнце огромное домик заполонило. Пылают щеки девушки, в жар бросает, тихо сидит она, ресницы понять боится.

Грустной вернулась Анна домой. Все чувства ее, что вольно бродили, в жгучий комочек собрались. Печально что-то, страшно девушке.

Дни сменяются ночами, но не уносят они девичьей грусти. Мать беду чувствует, на дочь сердиться начала.

— Женихи ей не нравились... Где это видано, чтобы девушка сама выбирала. Вон твои сестры давно детей нянчат, а ты усыхашь, будто морозка перезрелая, перед людьми стыдно.

Так выговаривает Анне мать.

Молчит дочь, сказать нечего.

— Морошинка соком наливаются, чтобы во рту таять, людям, зверям радость приносить.

Так вторит матери бабушка.

Молчит внучка, сказать нечего.

«Ну, ладно, — думает она, — если кто еще поговаривается, пусть замуж отдают».

Не испросила ее судьба на это раз. В ненастный, метельный день вихрем влетели в их стойбище нарты.

Схватили, связали девушку ловкие руки и увезли из родительского дома.

Пылает костер, прошлое оживает.

Вспоминает Анна свадебный обряд. Служеный, что ее увез, тот самый юноша, что взглядом одним девичью душу растревожил. Сидит разнаряженная невеста рядом с женихом. Народу вокруг много. Как-то страшно девушке перед новой дорогой в ее жизни.

Карыс нумсанг ханьяхо, человек высоких мыслей, обряд вершит. Тайными словами да магическими кругами над головой свивает их в одно целое. Медленно двигается рука, усыпляя, успокаивая невесту. Хорошо и спокойно становится Анне.

И вот коснулась рука Ювана ее руки и потекли, потекли в нее тепло, доброта, желания... Заполняется Анна, ласкается Анна. Тает. Радует Солнцу. Радует жизни. А вокруг все озаряется сиянием любимого.

Горит костер, то там, то здесь бродит память Анны и вновь вспоминает она молодость.

Возвращаются они с Юваном из соседнего стойбища. Лето. Поздний вечер. Перемешивались на цветущей земле лунное сияние с белой ночью. Призрачно и светло вокруг. Сливаются в оплодотворенной природе тишина таинства рождения жизни с вечерним покоем. Ни звука вокруг. Легко шагают молодые меж белыми пышными шапками багульника, меж трогательными лепестками цветущей морошки.

Насквозь пронизана Анна мягким светом, до краев наполнена она трепетным чувством. Идет женщина осторожно-осторожно, чтобы тишину не нарушить, чтобы цветы не помять. За мужем след в след ступает. Не поднимает Анна глаз от земли, а все вокруг ощущает, чувствует.

Подошли они к озеру, что среди хрупких сосенок да громадных кочек спряталось.

Остановился Юван, остановилась Анна. Остановились оба, пораженные величественным зрелищем. Огромная луна поднималась над водной гладью, вечное светило мироздания залило озеро эфирным светом, проложило на его поверхности серебряную тропинку. И в этом эфирном, серебряном мире совсем близко от них красовалась белая лебедь.

«Калтась анки яманг хур — матери неродившихся детей священный образ,» — вспыхнуло в сознании Ювана.

«Калтась анки яманг хур,» — эхом повторило сердце женщины.

«Нас ожидает отцовское счастье! Нас ожидает материнское счастье!» — в такт друг другу пульсировали их сердца. Молодые, сильные, очарованные чудным мгновением жизни, долго-долго стояли они, впитывая в себя эти краски, эти ощущения, эти чувства и посылая божественному Небу-отцу, священной Земле-матери безмерную благодарность за свое счастье и желая такого же счастья всем-всем людям Земли.

Юван и Анна ожидали первенца.

Горит, горит поминальный костер...

Глава 6

Весна и голод набирали силу, а надежда на то, что кто-то придет за ними, слабела.

Сегодня она проснулась от ужаса, тревога колотилась в сознание, перед глазами стоял сон.

Из черной пучины вод во весь рост поднимается гигантская рыба. У нее глубоко отпластан плавник. Из раны хлещет ярко-красная кровь. В этой рыбине все чувства человеческие. Она — человек. Она страдает. Мучительная боль поднимает ее из воды. Она ищет спасения. Но кругом мрак, только мрак. Нет спасения! Только боль...

Проснулась Анна, небо чуть-чуть светилось. Рядом спали ее дети, и она опять, в который раз прислушивалась ко сну каждого своего ребенка. Сегодня чье-то дыхание очередной бедой сверлило сердце. Анна села, обхватив колени руками и раскачиваясь из стороны в сторону, зашептала молитву. Затем, впервые не разжигая утреннего огня, погрузилась в думы. «Надо добыть пищу. Надо во что бы то ни стало добыть пищу.»

Днем у Насты открылась рвота. Еще вчера девочка отказалась от ягод. Она плакала и жалобно говорила:

— Наста мяса хочет, Наста рыбы хочет.

Сейчас желудочек у малышки был пустой и ее рвало одной желчью. Анна пошла за своими последними запасами. Пока встречались белки, она охотилась на них, и три тушки хранила для крайнего случая. Она долго смотрела на дно грузовых нарт, думала, затем взяла две белочки.

Много дней не кипел в чуме котел, сегодня голодные Петр с Настой следили за каждым движением матери. Дети не могли ждать. Петр ревел и тянул ручки в кипящую воду, у Насты катились тихие слезы, она глотала слюну, ее рвало.

Анна опять тщательно делила пищу. Нужно накормить мальчиков и большую Насту. Старшим девочкам досталось по крохотному кусочку мяса, себе Анна не позволила даже бульона выпить: сегодня она наливала в котел мало воды.

Наста с жадностью ела, но ее тут же снова рвало. Дочка плакала и опять просила есть. Еды не было. Анна заваривала чагу, давала девочке пить, но от каждого глотка дочке было плохо. Мать перенесла Насту к костру, положила свое дитя на спинку и, подставляя свои ладони к огню, молилась, клала нагретые руки на детский животик, поглаживая его. Тошнота у девочки проходила. Но стоило Анне отойти, та вновь корчилась в судорогах.

Наста просила кушать, и Анна отправила Марью за последней беличьей тушкой.

Наступила ночь. Наста страдала, у ее изголовья, впитывая боль малышки, плакала Вара.

— Доченька, милая, иди спать, я посижу, — просила ее мать.

— Не могу я без нее, не могу, — рыдала Вара.

Наста просила и просила кушать. Анна смачивала ее губки бульоном, но даже от запаха пищи девочке было плохо.

К утру Наста начала метаться и кричать. Дети проснулись. Анна держала дочку на руках, раздела ее донага и тянула тельце девочки к Тут-имие. На мгновение Наста успокаивалась, но тут же с очередным приливом судороги ее ротик заполнялся слизью, пеной. Дочка задыхалась.

Из рта хлынула ярко-красная кровь. Девочка захлебывалась, ее личико синело.

Наста истекла кровью. Ее мучения кончились.

— На кладбище Анна пошла одна. Поклонив голову на все четыре стороны света, попросив прощения у всех богов, она принялась рыть могилу для Насты.

Предельно тщательно исполняла Анна похоронный обряд, она боялась, как бы Наста не пришла за Варой, как бы не взяла с собой в Нижний мир: Жили они в этом мире будто две жилки в одну свитые.

Тщательно рисует Анна на детском гробике месяц, Солнце.

— Хорошо там Насте будет. И месяц она с собой берет и Солнышко с собой берет.

Пересиливая боль, она обращалась к Варе, которая сидела, будто замороженная, с выражением ужаса на лице.

— Куколок много у Насты, там Татье покажет, вместе играть будут, — продолжала мать, укладывая все необходимое для дальней дороги.

На могилке, в момент прощания с девочкой Вара не сдержалась, стала плакать и кричать.

Ее голос разлетался во все стороны, бился о деревья, усиливался, возвращался назад. Казалось, кричит не одна Вара, — весь лес, каждое дерево. Заплакали другие дети.

Над умершими нельзя плакать. Анну охватил страх. Она прижала к себе голову Вары и стала шептать:

— Терпеть, доченька, надо, терпеть. Нельзя плакать, Насте уходить больно. Не о себе, о ней подумай.

Вара старалась сдерживать плач, глотала слезы, и ужас вновь напал на ее лицо. Казалось, девочку покидает разум.

Костер в этот раз был больше обычного. По возвращении домой Анна взяла самое большое, ярко горящее полено, положила поперек дороги рядом с живой сосновой веточкой. Уходя, как можно строже, чтобы умершая не захотела вернуться за душами живых, не откликнулась на ласковое слово, сказала:

— Наста, оставайся, не ходи больше за нами!

Внимательно наблюдала мать, чтобы каждый из ее живых детей правильно переступил через живой огонь, живую веточку, тем самым отгородился от Нижнего мира, от мира мертвых. Она не хотела, не хотела больше терять детей...

Духи болезней поселились в их чуме. Необходимо было уходить с этого места. Сразу после похорон, в тот же день, Анна с Марьей стали разбирать жильё. Нагрузили три нарты. Анна пыталась тронуть их с места, но сил не было. И только когда к Анне впряглись все дети, поклажа медленно поехала. Голодные, ослабевшие, они тащили свои пожитки с этого проклятого места. С Анны лил пот, голова кружилась, к горлу подступила тошнота, руки и ноги дрожали. Но она тянула, тянула и тянула...

Оттащив одни нарты, возвращались за вторыми, за третьими... И вдруг в глазах Анны потемнело, деревья вокруг залясали, она рухнула на землю.

Очнулась Анна от холода, от плача и от того, что кто-то тормозил ее. Она открыла глаза, увидела заплаканную Марью.

Стояла светлая ночь, горел огонь, в котле кипела вода.

Увидев, что Анна приходит в себя, Марья обняла ее, прижалась.

— Мамочка, мамочка, как ты меня напугала.

Девочка помогла матери подняться, потом отошла, села под дерево и горько заплакала.

Светили гускные звезды, горел костер. Перед лицом Вселенной, на ладони Всеобщей Матери Земли сидели голодные дети, рыдала девочка, девочка, и Земля, такая же беспомощная, как все, глотала и глотала слезы.

Перенесли жилище, но старания Анны оказались напрасными.

Нарушен закон Жизни. Вара постоянно слышала голос и плач покойной. Наста звала сестру.

Боги не просили ребенка. Вару похоронили рядом с Настой.

Анну беспокоили кошмары, она почти не спала. Стоило закрыть глаза, тотчас к ней приходили муж, дети, прошлое, ее душили ужасы. Дети в снах замерзали, тонули, теряли руки, ноги, головы, рассыпались на части. Она их отогревала, спасала, собирала из кусочков, снова рождала. Анна не сдавалась.

Вслед за Варой занемогла Катерина. Мать снова склонила голову. Смотрела на опухшее лицо дочери и в ней поднималась ненависть, сжимались зубы и кулаки.

— Ненавижу! Ненавижу! — грозила женщина всему миру.

— Нет! Не отдам! Не отдам дочь! — обращалась она к Нижнему миру, готовая зубами, ногтями впиться в любую тварь, что повиснет над изголовьем дочери. Но твари не появлялись, и она в кровь искусала губы и сжатые кулаки. Ненависть, отвращение к миру, отвергающему ее детей, однако, рождали силы. Надо действовать.

— Доченька, только не уходи от нас. Я добуду, добуду пищу, — повторяла Анна.

Она взяла лук, стрелы, ушла в лес. В горле застрял огромный горячий ком. Равнодушный лес. Равнодушное небо.

Равнодушное Солнце. Ком растет, давит, давит, рвет на части, женщина задыхается. Она не может просто идти, она бежит...

«Поплакать, надо поплакать, — думала она. Но слезы не шли. — Есть, еще есть спасение. Надо петь. Петь!» И с трудом выцарапывая слова, из горла поползла песня. Становилось легче. Мелодия дробила ком, раздробленные куски прилипали к словам и вместе со звуками, извергающимися Анной, отхаркивались наружу.

По лесу бежала страшная, черная женщина, с провалами вместо глаз, цек рта и хрипела песню:

Я — красавица,

Дочь Максюма из рода Похранг,

Горя не знала,

Жила,

Беды не знала,

Жила.

Сильнее сильного,

Красивее красивого.

Мужчина-богатырь

Меня сосватал.

В счастье и радости

Восемь птенцов в нашем гнезде

Вывели, вывели...

Но друга взяли

И увезли, увезли.

В гнездышке одиноком

Птенчиков

Уж не прибавится, не прибавится.

В гнездышке одиноком

Птенчиков

Лишь убавляется, убавляется.

О Боги священные!

Вы ль так решили,

Вы ли решили...

«А вы ли решили? — думает женщина.

Вернулась Анна с добычей. Устала она. Тогда в лесу ее обостренный слух и обоняние одновременно уловили шум, движение и даже запахи живого. Это был заяц. Два дня носилась возбужденная женщина за несчастным зверьком.

Появилась пища. Накормила Анна детей, прилегла рядом с Катериной, обняла ее и тотчас уснула.

Снится мрачное, сырое жилище и ... прилетают уродливые, из пыли и праха скомканные чудовища. Они более омерзительны, чем опасны. Тычут корявыми пальцами в людей и считают, что те тоже из их рода-племени, забрать их с собой хотят. Не боится Анна. Знает, что легко от чудищ избавиться можно.

Великая сила в простом слове человеческом, от него рассыпаются уродцы. Подходит Анна к каждому и повторяет слова: «Исчезни!» Исчезает чудовище. А в дверь ползет новая и новая мразь. Тогда растопыривает Анна все десять пальцев рук, направляет их в сторону страшилищ и говорит: «Все рассыпесь!»

Все рассыпались.

Пыль, пыль вокруг. Широко распахивает женщина двери, а на Земле новый рождается. Солнце из-за зеленого леса поднимается.

Проснулась Анна, рядом ровно дышит девочка.

Спасла Анна Катерину, спасла, а там и еда стало вдоволь. Утки прилетели, рыба появилась. Уток навесами ловили, что девочки напели, а для рыбы морду | сплели да речушку перегородили. Сытой стала жизнь, даже запасы на зиму готовить принялись.

Сытой стала жизнь, заскучали ее детки. Плохо человеку без людей, деточкам без ровесников. И тогда начала Анна петь. Рыбу ловит, поет. Котел варит, поет...

Поет Анна и рушатся стенки ее жилища, входят в него века прошлые и века грядущие, идут сражения, кипят страсти, рождаются и умирают люди, поколения сменяются поколениями.

Поет Анна и входят в ее дом веселье и задор, таинства и поучения. Верит, верит женщина, что наступит пора, и ее выросшие сыновья Степан и Петр обязательно исполнят предками завещанные ритуалы.

Поет Анна и не знает она, что в это мгновение по всей Казымской земле поют все одинокие матери. Для сыновей поют женщины священные песни, что от мужей, отцов, дедов слышали. И в каждой матери теплится вера, что придет на землю Казыма праздник, кончатся беды.

Поет Анна и думает: «Жизнь, что деревья на берегу речки таежной. Кто у обрыва очутился, в воду канет. И старые падают, и молодые, не разбирается река, не разбирается судьба..

Но речку...кто же ее бурные воды в тихое гнездышко повернул? Кто?»

Морда — рыболовная снасть

Осенью со снегом в стойбище пришла радость. Приехала старшая сестра Анны с шестнадцатилетним сыном Сандром и спелым старцем Кузьмой. На трех нартах приехали, да еще оленей на три упряжки. Муки, соли привезли.

Не узнавала Марфа горделивую красавицу Анну, перед ней стояла седая женщина. Целовались, обнимались и плакали сестры.

— В прошлом году вас искали да весна ранняя наступила, реки вскрываться начали... — бормотала сквозь слезы Марфа.

— И нынче долго разыскивали, хорошо, что старый Кузьма эти места знает, с ними поехал, а то неизвестно, нашли бы вас или нет.

— А Дарья, где Дарья?

— Беда с Дарьей. Сума сошла. Совсем случайно между Вутвошем и Помутом нашли. Пятки и пальцы из кисов торчат, сах в ключья разодран. Бежать пыталась, проклятия изрыгает. Все одно и тоже твердит, что людоедка Анна всех ее детей сожрала, что Торумлорский великан каждую ночь к ней приходит — жалуется, что чьи-то поганые ноги его живое сердце топчут...

Детей ее долго искали, так и не нашли никого.

— Бедная, бедная женщина...— вздыхает Анна. — Большой волк за ними гнался. Наверное, на глазах матери пенчиков загрызал.

— Бедная, бедная...— вздыхает Марфа.

— А про Торумлорского великана она слышала, когда мы еще в тундре ночевали. Священный остров, что посреди озера Торумлор находится, как сердце великана почитается, испокон веков женская нога туда не ступала. А в ту весну приехали к ним начальники, хорошо говорить думали. Да пошла их женщина на священный остров, ружьем там размахивала, ругалась. Кто же такое поганство допустит... Так и развязался узел большой беды...

На утро мужчины поехали на поиски нарты со священными реликвиями и хранителем домашнего очага. Далеко от стойбища держал их предусмотрительный Юван. Там же провели обряд посвящения Степана, у духа появился новый хранитель. Ожило божество.

Уезжали на пяти упряжках. В прошлое уходила грозовая полоса жизни Анны.

Бегут, бегут деревья назад, к оставленной стоянке, и слезы утраты заливают лицо женщины. Видит, видит Анна живыми своих деток, и слезы счастья льются из ее глаз. Гордость охватывает, что сохранила, что все-таки сохранила она детей.

Сегодня она уходит к нему в Нижний мир. Сорок зим без него прожила. Сорок лет без него прожила в Среднем мире.

Спокойно Анне.

П. Лопарев

МИФОЛОГИЯ ОСТЯКОВ И САМОЕДОВ

Ине—Хон

(Водяной царь)

Около деревни Белогорье¹, выше устья протоки Ендырской, жили старик со старухой. У них было два сына. Жили они на краю горы, против тав-лох (заводи).

Жили, жили, и захотел старший сын, Хутан-Ика², стрелы делать. Надо было тяжелое дерево добыть — лиственницу. Стал он у Саньго добрый день просить. Попросил и ушел. Скоро ушел к Вершинской речке³. Вон куда ушел! Нашел хорошее дерево. Стал рубить. Видит — солнце морочится. Облако заходит.

- Я добрый день просил у Саньго, а он меня обманывает, што ли? Из тучи пришла большая птица, такой птицы уже нет. С когтями, как орел!

Испугался немного Хутан-Ика, полез на лиственницу. Большая была лиственница, может, в четыре обхвата. Поднялся до половины Хутан-Ика; нет у него с собой лука, на руках и ногах железо.

Кругом летает птица над лиственницей. Летала, летала, поднялась высоко-высоко и опустилась вниз. Поймала когтями лиственницу, три раза руками⁴ хлопала, хотелось «ему»⁵ с корнями дерево вырвать. Только мало-мало качалась лиственница.

— Вот горе, — думает Хутан-Ика, — брата нет.

Опять спустилась большая птица, поймала его обеими ногами под руки, за кольчугу: тела нехватила, ударила три ли, четыре ли раза руками по дереву — только качается шибко лиственница, стоит крепко.

Третий раз спустилась птица, поймала крепко Хутан-Ика за кольчугу, ударила руками и вырвала совсем, с землей и корнями, лиственницу. Понесла высоко-высоко.

Летит птица над избушкой старика и старухи. Сидит младший брат Хутан-Ика — Нет-Пос-Ху⁶ на пороге, смотрит на ребятишек, как в камешки играют. Смеется. Вдруг увидел он: птица несет лиственницу, на ней сидит его брат, Хутан-Ика. Схватил он лук и прицелился в птицу, подбежала жена Хутан-Ика и ударила по струне⁷. Стрела попала птице в крыло и вышибла три пера. Упали перья на Обь, как стрежьевые⁸ лодки плавают. Осердился Нет-Пос-Ху на бабу, почернел лицом, как чугунный котел.

— Нашто шевелил мой лук? Я тебя сейчас застрелю.

Говорит баба Хутан-Ика:

— У тебя есть ум, нет ли? Птицу убьешь, дерево упадет, — моего мужа убьет.

Кричит птица сверху:

— Ты тоже не останешься!

— Давай, давай, — закричал Нет-Пос-Ху, — иди, куда брата несешь и меня туда же тащи. Я тебе на носу три зарубы⁹ сделаю.

¹ Белогорье — деревня в Самаровском районе, в 25 верстах от Самарово, на р. Обь.

² Хутан-Ика — белогорский старик, хранитель рыбных богатств, водяной царь, он же — Ине-хон.

³ Вершинская речка — р. Назым, от Белогорья до юрт Вершинских около 150 верст.

⁴ Руками — т.е. крыльями.

⁵ В большинстве случаев туземцы употребляют мужской род.

⁶ Нет-Пос-Ху — мужик, стрелок из лука. Дословно: стрелок, мужик. Нет-Пос-Ху употреблял стрелы с раздвоенными остриями.

⁷ Струна — тетива лука.

⁸ Стрежьевые лодки — грузоподъемностью до 300-400 пудов.

⁹ Заруба — рана.

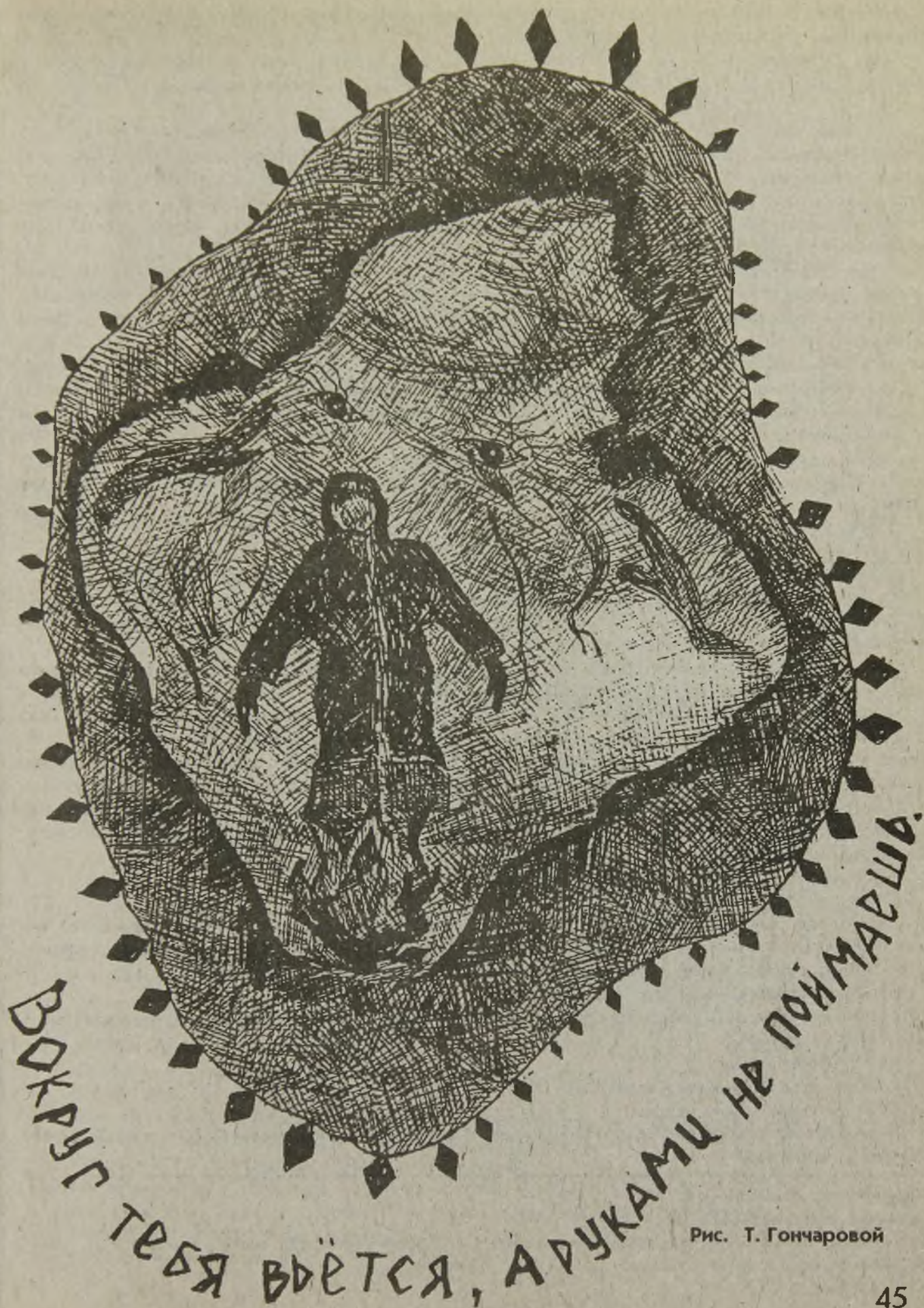

Рис. Т. Гончаровой

Принесла птица Хутан-Ика в гнездо на дереве — как большой дом, там и оставила, а сама улетела. Был у птицы в гнезде ребенок¹.

Слез Хутан-Ика из гнезда на землю и давай рубить дерево. Вывалил. Надел на пень свою кольчугу, сделал чучело. Как живой, Хутан-Ика стоит, а сам запрятался недалеко в чащу.

...

Поаживает Нет-Пос-Ху по улице, кольчугу надел, дожидается птицу. Жалко ему брата. Птица высоко поднялась и поймала Нет-Пос-Ху за кольчугу. Без лиственницы легко подняла и полетела. Назад подходить стала, с середины Оби увидела: гнезда нет. Испугалась... Видит — Хутан-Ика стоит. Рассердилась быстро и захотела бросить Нет-Пос-Ху в Обь, а потом убить Хутан-Ика. Смекает Нет-Пос-Ху, что хочет бросить его птица в воду. Стал он просить Саньго, чтобы он сделал голец², куда он упадет. Бросила птица Нет-Пос-Ху, и родился голец, где он упал.

Птица поднялась высоко и спустилась у пня, схватила чучело Хутан-Ика и ударила два раза руками. Выскочил в это время из чащи Хутан-Ика и отрубил саблей руки птице. А Нет-Пос-Ху поставил лук на землю и перепрыгнул с него на берег, прямо к брату. Сделал Нет-Пос-Ху саблей на носу птицы три зарубы и сказал:

— Я тебе обещал сделать на носу три зарубы, если куда деваешь моего брата! Кто тебя послал?

— Хозяева послали, ябы чего набросилась на вас. Я виноват нету (не виноват), — сказала птица.

Оставили братья птицу и пошли в кусты, к реке. Стали шалаш делать:

— Может, погода, што ли?

Стали ждать.

Раз видят, ездят по реке, в лодке, две девки, возят их мамки да няньки. Поют они про братьев песни, дразнят их.

Сердится Нет-Пос-Ху, хочет стрелять девок. Не пускает его Хутан-Ика,

Третий раз едут девки, смеются.

— Выходите на берег, а то стреляю, — закричал Нет-Пос-Ху, — будет смеяться!

Пристали девки к берегу, здоровались и целовались. Взяли братья девок в жены³ и пошли в деревню ихнюю. Была деревня на большой горе, при устье Оби. Девки жили под горой, а их отец с 6-ю сыновьями-богатырями жил на горе.

Крадучи живет Хутан-Ика с братом в избе, под горой. Долго жили. Стало у младшей брюхо расти.

А сватаны были эти девки каменными богатырями, двумя младшими. Камень — сердце у них, и сами — каменные. Сабля не берет, только искры летят. Не могли они любить поэтому.

Жили, жили братья, мала девка принесла сына. Такой сын! Спереди солнце, на затылке месяц. Растет сын по четверти в день. Стал он немного большееньким — не пускают его на улицу.

Откуда, скажут, такой парнишка взялся? Узнают живо. Ходила раз мать на улицу дров взять, парнишка и выскочил. Хотела мать поймать — где на улице парнишка поймаешь? Убежал. Испугалась мать быстро:

— Теперь узнают!

Побежал мальчик на гору.

Играют там в камни шесть братьев-богатырей: камни с большую печь. Мальчик поднимает камни до колена, средний до груди, а старший поднимает выше головы. Подбежал парнишка, смотрит.

— Откуда взялся такой маленький мальчик?

Бросили братья камни, перестали играть...

Взял мальчик камень, положил на ногу и швырнул прямо в море. Далекое, как пуля улетел. А сам убежал под гору.

Удивляются братья:

— Кто такой парнишка? Силен как.

Сказали отцу. Советовал тот:

— Маните его завтра на гору, потом камень в избу катите, заманивайте его в сени. Тут я его поймаю и расспрошу.

¹ Ребенок — здесь: птенец.

² Гонец — остров песчаный среди реки.

³ Урты имели одну жену, но когда им было нужно, то они брали баб в руки, мяли, и они делались, как шкура белки. Они клали их в карман и, когда надо, оживляли.

ЧЕРЕЗ УЗКОЕ ЖЕЛЕЗНОЕ

ОТВЕРСТИЕ БЕГУТ ОЛЕНЬ

Рис. Т. Гончаровой

Мать разговаривает под горой с сыном:

— Неужели ты сказал про нас?

— Нет, не сказал.

— Смотри, не сказывай, а то худо будет!

На другой день мальчик опять убежал.

— Смотри, не сказывай, — крикнула ему мать.

— Все скажу, — сказал мальчик и убежал на гору.

— Докуда мы скрываться будем, — говорит Нет-Пос-Ху, — пусть скажет.

Играют шесть братьев-богатырей камнями и катят их в сени.

— Все равно не убежете, — говорит сын Нет-пос-Ху.

Забегал мальчик в сени, поймал его тут старик-богатырь в охапку.

— Как тебе не стыдно, — закричал мальчик, — маленьких хватать! Своя мера надо искать.

— Нет, я ничего с тобой не сделаю, скажи только имя отца да матери.

— Скажу. — И сказал. Все сказал.

— Вот откуда я взялся.

— Ну, теперь иди, куда хочешь, — отпустил его старик.

Пришел домой мальчик.

— Неужели сказал? — спросила мать.

— Сказал.

— Пусть говорит, — сказал Нет-Пос-Ху, — докуда мы будем молчать?

На другой день Нет-Пос-Ху пошел сам на гору. Видит — играют братья в камни. Старик только дома, не видит, не знает. Дали ему братья камней играть — как он силен? Взял Нет-Пос-Ху камень одной рукой, кружил кругом головы три раза, положил на ногу, хотел в море бросить.

Набросились в это время на него братья с саблями. Смотрела давно из-под горы жена Нет-Пос-Ху, прибежала, схватила его за руку и утащила домой: а то драка большая будет.

На другой день пришли к старику-отцу семь каменных богатырей, по девок сватанных.

— Где девки-то?

— Девки умерли давно. Хоронили мы девок, — сказал старик.

— Дак куда хоронили? Пойдем, разроем, посмотрим, увидим, а так верить не станем. Давай; ведите, куда хоронили-то.

Заспорили шибко, и пошла драка.

Убили каменные богатыри сразу двух братьев. Старуха-мать их побежала под гору, к зятевьям.

— Пожалуйста, зяти, не жалко ли, што ли? Помогите! У нас украли девок, помогите! Вы зачин делали!

Лежат зятевья, не шевелятся: сердились шибко на братьев, что они саблями Нет-Пос-Ху рубить хотели.

— Пускай убьют, — думают.

Пришла мать на гору, там опять два сына убито. Не терпит сердцу, пошла под гору. Опять стала будить:

— Украсть — украли девок, а пошто не идете пособлять?

Молчат братья, не шевелятся.

Заплакала старуха, пошла на гору.

А там богатыри убили последних двух братьев — один старик остался. Побежала к зятевьям старуха, шибко плакала:

— Ну придете, што ли?

Поднялся Нет-Пос-Ху. Сердцем рванул кольчугу — на семь дней кругом звон пошел, земля дрожится.

Испугались каменные богатыри, бросили старика, убежали:

— Силен еще где-то тут есть.

Семь дней одевался Нет-Пос-Ху. Совсем оделся, послал бабу к отцу, чтобы он с крыльями лошадь дал. Отдал он сына своего старшему брату Хутан-Ику.

За меня его вырасти, если убьют.

Потом поставил в угол стрелу:

— Пока белая будет стрела, жив я. Как пойдет красная пена — умер, значит.

Попрощался, пошел на гору. Подседает под ним гора, как зыбка: уходит, куда станет. Привели ему лошадь, держат 25 человек. Семь ступок подставили, чтобы сел. Взял Нет-Пос-Ху лошадь за узду, обвел саблей кругом головы и сказал:

— Если ты до полден не догонишь их (каменных богатырей), то всего в куски изрублю! Какой ты тогда лошадь?

Вскочил он на коня, оглянулся назад, хотел прощатся, а гора — только как маленькая кочка. Так мчала его лошадь.

Догонял до полден. Поднимаются каменные богатыри на гору большую¹. Остановились отдохнуть, увидели: Нет-Пос-Ху идет.

— Один идет. Этот сам себя везет на смерть.

Спустились богатыри с горы, здоровались, драка пошла.

Не берет сабля камень, только огонь летит. Приставать стал Нет-Пос-Ху.

¹ По объяснениям рассказчика, богатыри поднимались на Урал.

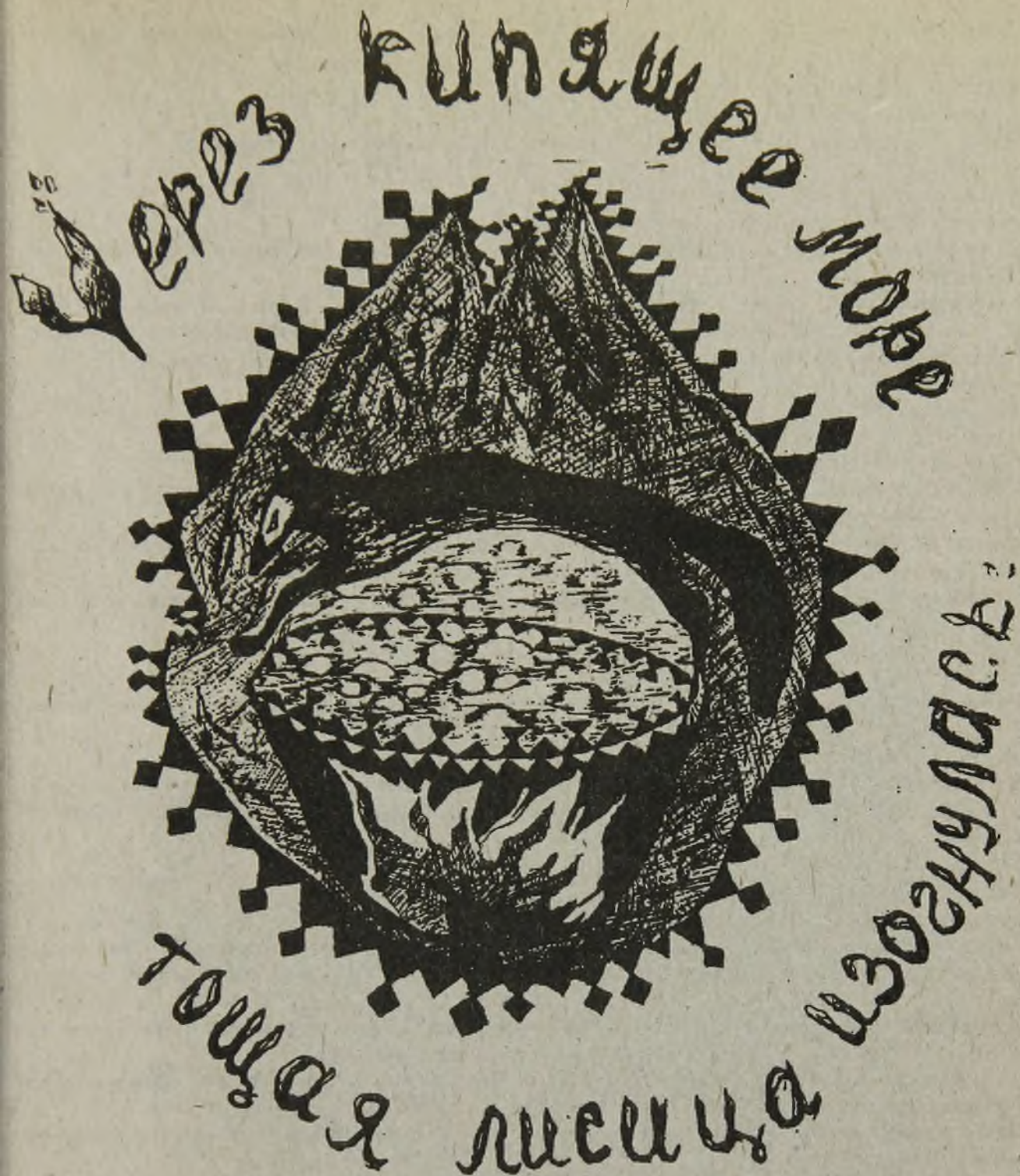

Рис. Т. Гончаровой

— Вот, — думает, — смерть тут моя.

Сказали богатыри:

— Давай чай пить. Он все-равно бессилён. Пусть он чайку попьёт перед смертью.

Пошел к лошади Нет-Пос-Ху, целовал и говорит:

— Хорошая ты лошадь, если бы жив был, все бы с тобой воевать ходил.

Сели богатыри чай пить. Нет-Пос-Ху думает:

— Все-равно мне смерть, пошлю хоть весть старику-отцу.

Сдумал, снял шапку, послал домой птицей, только мелькнула шапка... Увидели каменные богатыри, соскочили которы.

— Что это он там послал?

— Нет, это смерть ходит его.

Не верят... Чай пили. Нет-Пос-Ху тоже кончает. Вдруг шапка назад прилетела.

...

Пришла шапка домой, на Белогорье.

Старуха коноплю прядет. Сказывает скоро шапка:

— Сын ваш дерется с семью каменными богатырями, и скоро они его убьют, совсем бессипен.

Старик проснулся.

— Вот дурак! Зачем дерется, если сила не берет. Я прежде таких богатырей одним щелчком убивал, а он еще Урт. Што он слепой, што ли? Што он не видит, што душу-то их всех младший брат держит? На груди у ево красный кусок мяса — туда надо ткнуть саблей, все и умрут.

Полетела шибко шапка назад. Прилетела. Чай допивают.

Скоро рассказала.

Увидели ее каменные богатыри:

— Вон, што-то прилетело к нему. Вскочили все, и пошла снова драка.

Подкаркулил Нет-Пос-Ху и через других богатырей ткнул саблей младшего брата в красный кусок мяса. Упали все богатыри, мертвы стали.

Захотел им Нет-Пос-Ху кожу с головы снять, да облились они все камнем — ничего не мог сделать. Бросил.¹

На завтра Нет-Пос-Ху пошел домой. Солнце не закатилось, в избу пришел. Из стрелы все белая кровь шла.

— Жив, — думают дома.

Пришел. Обрадовались шибко.

Звал их старик на гору. Настояще сватались. Наградить их хотел старик золотом: семь возов давал, не взяли.

— Нам нашто? У нас свое есть.

Прощались, пошли на лодках домой с бабами. Ниже Карымка в большой заводи, встал вдруг каюк: ни взад, ни вперед. С горы падают на каюк стрелы и камни, как гусиные яйца.² Темно от них, как ночью.

Каюк водяные держат.

Рвется Нет-Пос-Ху драться. Хутан-Ика не пускает, держит.

Вырвался все-таки и пошел на крыльях к Саньго, на небо.

А Хутан-Ика сделался выдрой и ушел в воду. Из воды выбежали все водяные, бросили каюк. С неба, как град, посыпались люди Саньго³, и стали они пополам рубить людей на горе. Много рубили.

Поехали оба брата дальше... Пришли на Белогорье, взяли своих старых баб в руки, помяли, как беличьи шкуры стали. Положили в карманы. Когда надо, оживут.

Постоянно, зимою и летом, в жертву Ине-Хону приносится масса петухов, зарезываемых во всех больших заводях района. Нерест задобрит Ине-Хона и обеспечит хороший улов...

Белогорский старик за жертву не откажется выдрой слазать в воду. Разгонит там водяных, мешающих ловить рыбу.

Только ему и нужно: горячая кровь да кусок мяса...

Богато царство Ине-Хона, и большим почетом пользуется он среди туземного рыбопромыслового населения Севера.

(«Наш край», № 3, 1924, ноябрь, Тобольск.)

¹ По уверениям рассказчика, и сейчас еще сохранилась каменная фигура одного из богатырей

² Очевидно, камни кидались пращами или подобием таковых.

³ Очевидно, подобия «ангелов».

На дереве

Красная
Лисица
взбирается.

Рис. Т. Гончаровой

Сбор ясака

Легенда

Люди одного мансийского поселка, одной мансийской деревни пляшут в старом игральном доме.

Наступило время платы ясака, а они все пляшут. Семь дней плясали. Денег для выплаты ясака не имеют.

В поселок нарты за ясаком приехали (букв. : ясачные нарты, сани). Стали собирать пушнину. Купец говорит:

— Почему зверя не промышляли?

— Мы запор на реке делали. Поэтому и не промышляли зверя.

В лес сходить не успели.

— В каждом поселке все жители выплатили ясак, только вы не уплатили. Кто-то из вас все равно попадет под суд.

— Мы никогда дома не оставались, только в этом году. К новому году мы весь ясак выплатим. До той поры будем промышлять зверя и полностью сможем рассчитаться.

— В течение года я только один раз сюда приезжаю, — отвечает купец жителям поселка.

Люди ему говорят:

— Если ты не приедешь, то мы сами деньги и пушнину как-нибудь тебе перешлем.

Уехали сборщики ясака, уехал и суд. После их отъезда весь народ деревни вместе собрался. Созвали собрание. Вместе решали, как в дальнейшем проводить пляски. Пляски организовать два раза в году: осенью и в первый день мая месяца. Потом подумали, подумали и говорят:

— Играть и плясать один раз в году. Осенью плясать тогда, когда будет плохой промысел зверя.

Но между собой продолжают рассуждать:

— Может быть, один год совсем не плясать, второй год плясать и играть, на третий год опять не плясать.

Тут находился и шаман. Он говорит народу:

— Нет, так нельзя! Если мы так будем делать, то всем дальше не жить! Все умрем!

Народ ему отвечает:

— Если умрем, то мы—взрослые. Дети разве умрут? Они же ничего не знают про это. Ну довольно, хватит. Пусть останутся живыми дети, а мы, взрослые, пусть умрем. В эту ночь все хорошенько подумаем, а завтра снова соберемся.

Наступило утро. Весь народ поселка, весь народ деревни заболел. Люди стали умирать. Оставшиеся в живых рыли глубокие ямы и клали туда всех умерших. На второй день, как начали люди болеть, в живых осталось только два взрослых человека и двое детей. Оставшиеся в живых муж и жена думают:

— Как жить? Что делать будем? Мы умрем, пусть наши дети останутся живыми.

Жена говорит:

— Давай будем плясать и играть!

Муж сказал:

— Ты бей в железный ковш, как в музыкальный инструмент, а я буду плясать.

Жена говорит:

— Я же говорила, что не надо кончать плясать. Теперь посмотри, сколько людей погибло!

Пляшет муж, жена отдыхает. Жена плясать начнет, муж садится отдыхать. Плясали—плясали, кончили плясать.

Долго ли, коротко ли они жили. Жена просит мужа перекочевать на другое место, в другой поселок. Переехали. На другом месте они построили деревню. Вместе с детьми живут. Но однажды двое их детей ушли ягоды собирать, да заблудились. Так и совсем потерялись. Мать с отцом искали, искали своих детей, так и не нашли.

Муж говорит жене:

— Ты стремилась переселиться на другое место! Теперь дети потерялись.

Жена отвечает:

— Не могут они совсем потеряться. В какое-то время мы услышим их голоса. Они где-то здесь.

Муж говорит:

— Откуда же ты их услышишь? Их Ворут¹ съел, теперь они погибли.

Их детей поймал Ворут, связал проволокой, губы проткнул иголкой, чтобы губы и носы перед смертью детей стали жирными.

Ворут каждый день приходит к детям, приносит им калачи и булки, кости. Ребята все это поедают. Долго ли, коротко ли это длилось. Однажды ребята покачались на качелях и говорят

Воруту:

— Нас проволокой вместе свяжи, мы не убежим. А ты покачайся на качелях.

Ворут стал качаться на качелях. Дети в это время убежали домой, к отцу и матери. Прибежали домой. Во дворе собака запаяла. Девочка упала и умерла. Мальчик внес ее в дом.

Он рассказал отцу и матери, где они были и как там жили.

Тут мальчик стал смотреть на огонь и тоже умер. Умерших девочку и мальчика отец с матерью унесли в лес.

Плачут родители. Утром они снова в лес пришли. Но не нашли там умерших детей. Их Взял Ворут.

Муж говорит жене:

— Ты стремишься в новый поселок. Если бы мы жили в старом поселке, не потеряли бы детей.

Он стал ругаться:

— Ворута где-нибудь найду и убью!

Жена говорит:

— Где ты его найдешь? Зачем выдумываешь?

Однажды муж ушел к реке на заповедь. Рыбы много добыл, большого налима добыл. Рыбу положил на нарту и нарту сам тащит. Тащит нарту еле-еле, тяжело. Она как-будто за гору зацепилась. Тащит нарту и думает:

— Почему моя нарта такая тяжелая?

Он оглянулся назад: в нарте Ворут сидит и в лапах огромную рыбку держит. Став мужчина с Ворутом драться, вырвал с его головы пучок волос и за голенище унтов² положил, а Ворута отпустил на свободу. Сам взял большую рыбку и пошел домой. К жене своей пришел, стал рассказывать:

— Ты говорила, как я расправлюсь с Ворутом. Сегодня я его нашел, как следует «накормил!»

Его жена говорит:

— Не ври! Если что-то хочешь сказать, то правду говори!

Муж говорит:

— Я не вру, правда, я нашел его. Вот его волосы!

Он подает волосы Ворута жене, а они стали как лишайник.

Долго ли, коротко ли они жили. Другие дети у них появились. Вырастили их. Появились невестка и зять.

Дети их говорят:

— Мы не будем здесь жить. Лодкой куда нельзя проехать, воды нет.

Они снова перекочевали в старый поселок. И теперь там живут.

(Записано Е.А. Кузиковой в д. Хурумпауль Березовского района в 1951 году от манси Хозумовой Агафьи Семеновны, 50-ти лет.)

¹ Ворут — лесное чудовище.

² Унты — зимняя меховая обувь манси.

Легенда о горе ЛУНТХУСАПСЯХЛ

В горах ли, в тайге ли, часы возле вечерних костров — лучшее время для долгих бесед. Здесь, после дневных трудов, в кругу местных старожил, охотников или оленеводов, узнаешь и необыкновенные таежные истории, и легенды, и разные предания мансийской старины...

Как-то мы сидели у вечернего костра за чаем и вареной глухарятиной возле чума оленевода из Няксыволя Дмитрия Самбиндалова. Чум только вчера поставили у самого истока речки Большой Путурньи, что впадает в Манскую Волосницу, а та несет свои воды к великой северянке Печоре.

В десяти метрах от костра, в громадной яме, из земли бил мощный родник. Вода в нем кипела, как в котле, и, выливаясь через край ямы, бешено и с шумом неслась по склону вниз, к тайге. От стана оленеводов просматривались буристая гряда Уральского хребта, уходящего далеко на Север. А на юг от нас она начиналась согкой Хашьсяхл и тянулась к далеким руинам Пуримонитур и плоскому отрогу Маньемти. Над всей этой громадой из гор, запорошенных снегом, господствовал величавый купол патриарха здешних вершин Лунтхусапсяхля, неправильно прозванного топографами и нанесенного на карты Отортэном.

Показывая на купол, Дмитрий спросил меня:

— Ты ведь бывал, наверно, на Лозьвинском-то озере под Лунтхусапом? — сокращенно назвал он гору. — То озеро по-нашему зовется Лоусемьяталяхтур, А легенду про него знаешь?

• — Давай, расскажи! Охотно слушаем...

Дальше следовала занимательная повесть, с незапамятных времен передаваемая от мансийских прадедов из уст в уста.

— Старики наши рассказывали, как охотник на этом озере гуся увидел. Хотел было убить его стрелой. Только натянул тетеву, а гусь возьми да и нырни в воду. И не показался больше. Ну, подумал охотник, потонула птица! И ушел искать другую добычу. Перешел на другую сторону Лунтхусапа, вон туда. — показал Дмитрий на западный, печерский склон горного исполина.

Мы все уставились на снежную вершину, уже покрасневшую от закатного солнца.

— Там тоже озерко есть, маленькое, — продолжал Дмитрий. — Видит охотник: гусь плавает там тот же самый. Но и на этот раз не успел мужик приготовить лук — птица скрылась под водой...

— Как же гусь на другом-то озере очутился? — удивился я.

— Сам охотник озадачился. Значит, подумал он, в горе пусто, вроде пещеры, кераскол, по-мансийски. И она имеет, наверно, выходы в обе стороны горы: в Лозьвинское озеро на востоке и в озерко на западной стороне Лунтхусапа. Гусь, стало быть, переплыл гору под землей!

— Невероятно! Чудо какое-то! — сказал мой помощник Юргенс.

— А никакого чуда там нет! — заявил Дмитрий. — Спустись с Урала по Путурнье, и увидишь, как местами из-под земли хлещут бурные потоки вроде нашего родника, — показал он на яму, из которой мы черпаем воду на чай. — Откуда они берутся? Ясно — из подземных озер! Из таких же озер, скрытых, наверно, в самом хребте, и берут начало и Северная Сосьва, и Егра-Ляга...

После долгих разговоров об этих реках, где мы с Юргенсом бывали в прошлые годы, Дмитрий принялся рассказывать другое занимательное предание.

— Про Лунтхусапа еще есть легенда... Когда большая вода с севера шла, то весь Урал затопило так, что многие горы только чуть-чуть высовывались из воды. И вершина Лунтхусапа торчала крохотной макушкой. На ней только гусь мог устроить гнездо. Отсюда, говорят, и название «Лунтхусапсяхл». Лунт — по-нашему, гусь. Хусап — коробка. Сяхл — самая вершинка горы...

Я уже знал, что словами «шла вода с Севера» начинаются многие мансийские легенды о последнем ледниковом периоде на Урале — как говорят здесь, о «потопе». В результате его, вероятно, и было образовано древнее, так называемое Пермское море, из которого торчали только отдельные вершины уральских гор. Кроме Лунтхусапа, упоминаются такие, как Холатсяхл, Яньквотнер, Маньпупыгнер и другие.

— Сейчас это горы, — продолжал Дмитрий, показывая в сторону всей цепи уральских вершин. — А когда-то они островами были. Может потому у нас, у манси, отдельные горки и называются словом «тумт», что по-нашему означает «остров».

Случай с охотником мне показался интересным даже в научном отношении. Как ни сказочна эта легенда, но если представить разрез горы Лунтхусапсяха и предложить, что внутри нее имеется гигантская пустота, грот, пещера с большим водоемом, то мы поймем — неиссякаемые озера на обоих склонах Урала по принципу сообщающихся сосудов должны питаться водой из этого, скрытого в подземелье гигантского резервуара. По заверениям оленеводов — манси, Лозьвинское озеро никогда не убывает, всегда сохраняет постоянный уровень воды. Значит, оно действительно сообщается с каким-то неведомым водоемом, спрятанным в самой полости хребта. И водоем этот имеет неизменный водный режим.

Мы еще долго вели беседу. Не раз подбрасывали полешки в костер. Незаметно смеркалось. Темнела горная гряда Урала. За склоном горы Хашьсяха на синевшем небе возникало зарево. Вскоре там появился краешек луны. И позолоченный диск ночного светила на наших глазах целиком выкатывался из-за горы.

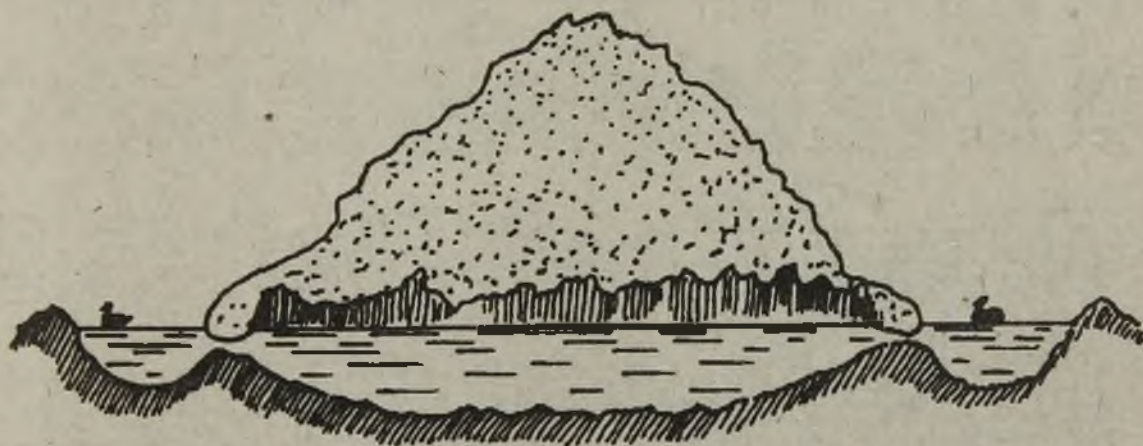
Дмитрий спохватился:

— Вы меня тут заговорили, а олешки-то там как? Повыше этпос станет, — показал он на луну, — надо к маткам идти, стеречь оленят.

И ушли они вчетвером на ночь туда, где паслись важенки с телятами, где стояла их сторожевая палатка.

«К легенде»

Как ни сказочна легенда о гусе, переплывшем внутри горы из одного озера в другое — с восточного склона Урала на западный — но если представить разрез горы Лунтхусапсяха и предположить, что внутри ее имеется гигантская полость, грот, пещера с большим водоемом, подземным озером, то можно согласится, что неиссякаемые озера на обоих склонах Уральского хребта по принципу сообщающихся сосудов должны питаться водой из одного скрытого в подземелье резервуара. По заверениям оленеводов-манси, часто выпасающих свои стада в этих районах и наблюдающих за поведением озер — Лозьвинское озеро почти никогда не убывает, в засушливое лето только немного понижается в уровне, а озерко на западном склоне хоть и превращается всегда в большую лужу, но из нее постоянно сочится бурливый ручей, который является главным истоком реки Елмы.

Главный исток Елмы выглядит небольшим озерком только сразу после весеннего таяния снегов. В засушливое же лето это большая лужа, из которой постоянно вытекает ручей, что подтверждает мысль: ручей питается водой тем же скрытым внутри горы водоемом.

Озеро Лоусемьяталяхтур (Лозьвинское) на восточном склоне Урала — исток реки Лозьвы.

Старинная "Куренька"

Исполнитель А.Г. Гришкин (д. Ванзеват).

Записал Д. Агеев.

The musical score is written on ten staves. The first staff is a treble clef with the tempo marking "спрѡй" (Sprei) above it. The second staff has the tempo marking "спокойно" (Spokoino) above it. The score consists of a single melodic line with various rhythmic patterns, including eighth and sixteenth notes, and rests. There are several measures marked with letters in boxes: A, B, and C. The notation includes many small crosses on the staff lines, which are explained in the text below as being produced by the plectrum.

Крестиками на нотоносце обозначены звуки, извлекаемые щипковой рукой, крупными знаками — мелодия.

...Огни потушены и людей в зале не видно. Только одинокая фигура человека с нарсыюхом мягко высвечивается на сцене. Тишина. И вдруг нежные певучие звуки начали рисовать картину прозрачного леса, по которому резвый олененок стремительно несется навстречу ветру, солнцу, бездонному голубому небу, потом внезапно останавливается и настороженно смотрит на тебя удивительными глазами...

Случилось чудо, которое бывает на концертах великих мастеров: музыка стала одушевленной.

Было это лет десять назад в Ханты-Мансийске. Играл А. Гришкин из Ванзевата. Раньше я считал, что на пятиступенчатом инструменте можно играть только примитивную музыку простыми приемами, и теперь был поражен. Позднее, встретившись с другими музыкантами, расшифровывая игру Бахтиярова, Ангатшупова, видя танцы ханты и манси в исполнении хороших мастеров, я понял: и маленькие холмы иногда могут загородить вершину величавой горы. Просто представление о низкой культуре танца, музыкального исполнительства складывается потому, что чаще мы видим слабых исполнителей.

Угасает культура, уходят истинные ее носители. В Шеркалах ушел из жизни последний музыкант В.И. Юдин и теперь на большом пространстве между Ханты-Мансийском и Березово нигде не звучит национальная инструментальная музыка. Но есть два музыканта в Саранпауле — Г.Н. Сайнахов и К.П. Лончаков. Отличают их и возраст, и уровень исполнительского мастерства, но объединяет отношение к музыке: она у них одушевлена. И не случайно именно здесь стали появляться новые исполнители. Может быть, это вдохнет новую жизнь в музыкальную культуру народов ханты и манси?

Д. Агеев
Рис. П. Бахлыкова.

Говорите по-мансийски

Урок тринадцатый

ОЛЕНЕВОДСТВО — САЛЫ ОСЬНЭВАРМАЛЬ

Чем занимается совхоз?
Наш совхоз оленеводческий.
Где живут пастухи?
Они живут в чуме.
Что делают пастухи?
Они пасут оленей.
Пасты оленей им помогают
собаки.

Для чего нужны олени?
Мясо оленя едят люди.
Из оленьих лап шьют кисы.
Это малица. Ее шьют из
оленьей шкуры.
Малицу сверху покрывают
материей.
Это гусь. Его тоже шьют
из оленьей шкуры. Только
шьют его шерстью наружу.
Гусь надевают на малицу.

Олени — это и транспорт.
Оленей ловят арканом, за-
прягают в нарту и едут.
Летом олени где находятся?
Летом олени стада каслают
на Урал.
В нашем селе ежегодно
проходит праздник оленеводов.

Нан совхозым манырсы совхоз?
Ман совхозув салым совхоз.
Пастухыт хот олэгыт?
Тан салым колыт олэгыт.
Пастухыт маныр варэгыт?
Тан салыт урегыт.
Ампыт салы урункве нётэгыт.

Салы манырмагсыл оньсяве?
Салы невле юв-тэве.
Салы котныл ваи юнтаве.
Ты мольсаң. Тав салы совныл
вараве.
Мольсяң конытэ торыл касаве.
Ты кувысь. Тав совныл вараве.
Тав пунэ кональ олы.

Кувысь мольсяң коныпалыл
масаве.
Салы сун харты.
Салы тыньсяңыл пуваве, суным
кераве, яласаве.
Туи салыт хот-олэгыт?
Туи салыт Нёрт уравет.

Ман павылт касың тап пастухыт
ялпың хотал олыглы.

Примечание: В связи с отсутствием на полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «ң».

Топонимический словарь Югры

Х-Ш

ХАНТЫ — название народа, относящегося к финно-угорской группе. Предками ханты, в древности их называли остяками, были племена, жившие в Западной Сибири еще до нашей эры. Затем с юга, из степей Казахстана пришли племена, говорившие на угорских языках. Угры постепенно слились с местным населением, восприняв их образ жизни, приспособленный к местным условиям, особенно тогда, когда постепенно уходили на Север. Окончательное формирование народа ханты произошло к концу первого тысячелетия уже нашей эры. Современные ханты живут в основном сейчас на правом берегу среднего течения Оби, в бассейнах рек Казым, Назым, Сургутском Приобье. Первое упоминание этнонима «остяк» относится к XVI веку. Слово «остяк», видимо, трансформированно от татарского «уштяки». В те времена остяки (ханты) называли себя арьяхами, где ар—много, хо—человек, что значит многолюдье. Когда же остяков начали поработать татары, они стали называть свой народ хондихо-ханские люди. Можно предположить, что современное название ханты получили от этого переименования. Возможно, что свое название этот северный народ получил от хантыйского слова ханнэнгхо — человек.

ХАНТЫ-МАНСИЙСК — город на Иртыше, административный центр Ханты-Мансийского автономного округа. Название получил от наименования коренных жителей ханты и манси (бывшее их название — остяки и вогулы, и первоначальное развание города до 1940 года — Остяко-Вогульск). Статус города получил в 1950 году. Тогда же в его границу вошло и Самарово, ныне южная часть. В начале строительства (1931 год) было много предложений от населения и его строителей, как назвать будущий город. Вот они: Северстрой, Владитехкульт (туземец, овладевай техникой и культурой), Ново-Северск, Красно-Северск, Ново-Уральск, Северо-Сталинск, Северо-Ленинск, Виленвош (в честь В. И. Ленина), Национальный Ленинск. Но было принято предложение жителей города Гладковой и Селиванова—Ханты-Манси вош, то есть Остяко-Вогульск.

ХУЛЛОП — деревня на р.Казым. В переводе с хантыйского — рыбный сор

ЧЕРНАЯ РЕЧКА — речка в Сургутском районе. Черными обычно называют речки, берущие начало в болотах и имеющие темную воду.

ШАИМ — хантыйское слово шай—чай. Здесь когда-то проходил зимник на Урал с Оби. Шли обозы с рыбой, а обратно везли муку, соль, сахар. Здесь ямщики останавливались, отдыхали, пили чай. И деревня получила название Шаим.

ШЕРКАЛЫ — село в Октябрьском районе. «Книга Большому Чертежу» 1627 года называет это село Шеркар. Исходным в образовании слова является «кар», что с коми-зырянского значит город, в этом случае в значении городок, укрепленное поселение. Таких городков и поселений в Северном Приобье в том веке было много: Келчикар, Уркар, Сускар, Воикар. Со временем при освоении русскими этого названия конечное «р» превратилась в «п», а затем, как и некоторые аналогичные топонимы Нарыкары, Люлюкары, Шурышкары, приобрела множественное число. Начальное «шер» в коми-зырянском значении обозначает средний (застенный городок по отношению к Березово).

З. Соколова. Путешествие в Югру 1982, стр. 15.

М. Мельхеев. Геогр. название, 1961, с. 89. ЛП(НЮ). 2.3.86.

И. Воробьева. Язык земли. 1973, с. 139.

А. Матвеев. Неройки караулят Урал, 1976, с. 50.

МАНСИЙСКАЯ КУХНЯ В ЖАРКИЕ ДНИ ЛЕТА

Обычное летнее блюдо — холодный суп — без кваса не сделаешь. Квас готовили из солода — темно-коричневой муки. Чтобы получить солод, проращивали рожь: насыпали ее в берестяные посудины — *чуманы*, закрывали холщевым полотном и часто смачивали водой. Когда в каждом зернышке проклюнется по белому росточку, рожь ссыпали в глиняную обливную корчагу и ставили на ночь в русскую печь. Утром вынимали, сушили, мололи на ручных жерновах и получался солод. Из него варили квас, остужали, заквашивали и спускали в снежную погребную яму.

Их лосиных ног варили упругий холодец, нарезали его кусочками, спускали в блюдо с квасом, заправляли свежим хреном — вот и холодный суп. А вот два рецепта летних супов: 1) отпаривали копченую рыбу, отбирали косточки, спускали в блюдо с квасом, нарезали отварной картофель и зеленый лук; 2) пареную репу и отварной картофель перемешивали с квасом и заправляли свежим хреном.

Готовили холодный суп и из сусла (густого кваса), добавляя в него морковные паренки.

Солод парили с калиной — получалась темно-коричневая густая каша, *кулага*.

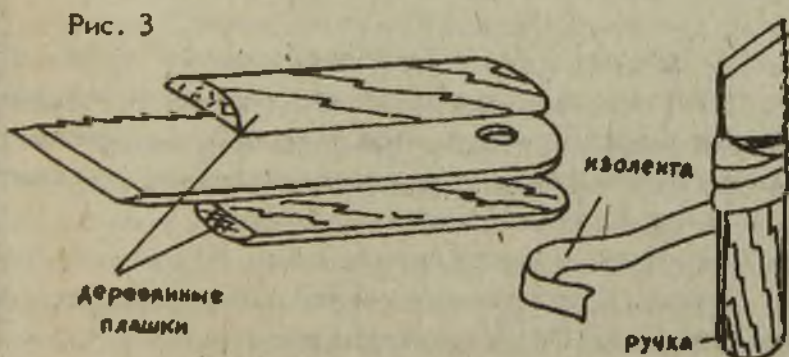
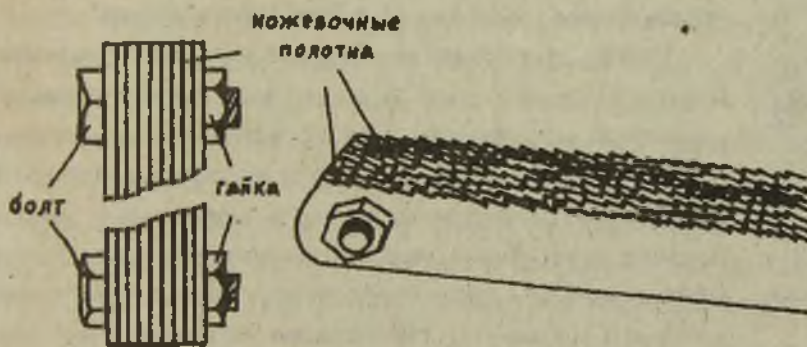
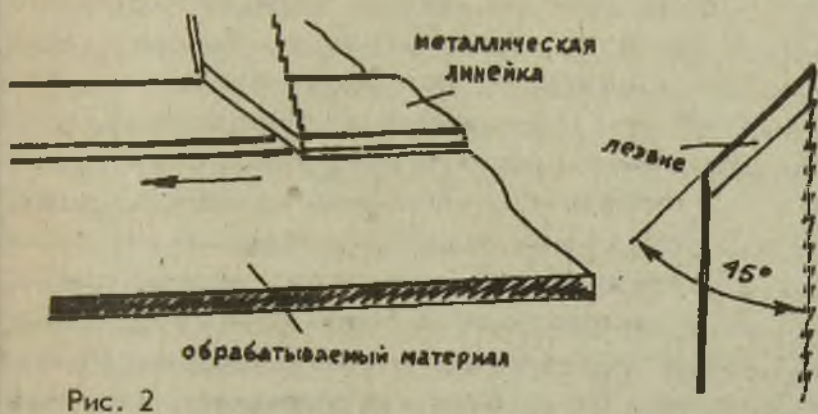
На лето готовили также толокно. Жарили в чугунной колташихе, помешивая, зерна ячменя, потом остужали, мололи на ручных жерновах и просеивали через частое сито. Получалась золотистого цвета мука-толокно. Из него тоже готовили холодные супы и еще сытную и полезную для здоровья кашу — *сурвяку*: толкли бруснику, перемешивали ее с толокном и заправляли рыбьим жиром. Толокно также смешивали с молоком и заправляли густыми сливками. Это еще один рецепт холодного супа.

Своеобразный суп получался из молока с творогом. Молоко утренней дойки разливали в обливные крынки, ставили в русскую печь, а утром вынимали, остужали и это упаренное молоко с толстой, жирной, темно-коричневого цвета пленкой сливали в трехведерную кадушку. Делали творог и спускали его в эту же кадушку, которую держали в погребной яме.

Было еще ритуальное блюдо — *саламат*. Его готовили в праздники, на свадьбы, на похороны, но ели с удовольствием и в обычные дни. Делали в каждой семье по-своему, общим было то, что заваривали и кипятили муку, жарили на рыбьем жиру ядра кедрового ореха, смешивали с мукой и поливали сверху жиром. Те, кто имел две-три коровы, заменяли рыбий жир маслом.

А. Конькова

Сделайте сами ИЗ СТАРОГО — НОВОЕ

Не торопитесь выбрасывать старые и сломанные попутно от ножовок по металлу — они еще послужат вам.

Например, обломок, заточенный, как показано на рис. 1, пригодится при резке оргстекла, текстолита, стеклопласта, белой жести, меди и даже металлической сетки с ячейкой 0,5-1,5 мм.

А если заточить его, как показано на рис. 2, вы получите отличный сапожный нож. Им удобно резать бумагу и картон, фетр и войлок, листовую резину и пластики, оргалит и фанеру. Используя его, нажимайте на нож не сильно, лучше провести несколько раз по одной линии.

Маленькие кусочки ножовки, обработанные на точиле, незаменимы при изготовлении небольших отверток с узким лезвием или зубил для точных и ювелирных работ.

Обломки подлиннее легко превратить в напильник для работ по дереву (рис. 3). Для этого сложите полотна зубцами в одну сторону и скрепите их болтами или струбцинами. Прежде чем просверлить отверстие под болт, «отпустите» ножовки на огне. Увеличивая или уменьшая количество пилок, можно изменять ширину рабочей поверхности напильника.

Для каждого из изготовленных инструментов необходима рукоятка. Самую простую можно сделать за пять минут. На нерабочий конец инструмента с двух сторон наложите полоски фанеры или картона, натяните на них кусочек резиновой трубки и замотайте изоляционной лентой или лейкопластырем (рис. 4).

С. Лукин

БУРОГОЛОВАЯ ГАИЧКА

Ю. Гордеев

В 1940 году на северной окраине Березова в конце ул. Астраханцева, напротив районной больницы, еще сохранялся хвойный лес. В нем преобладали невысокие кедры. Один участок этого кедровника, выходящий к речке Вогулке, тогда именовался Аэропортовский сад. К сожалению, после открытия в 1953 г. первого газового месторождения этот сад отвели под застройку и вырубili. Тогда же почти совсем уничтожили и кедровник возле р. Голчиной, который обеспечивал орехами жителей Березова в довоенные и послевоенные годы.

Этот мартовский день был облачный, но теплый. Мы шли втроем по дороге к зимнему аэродрому, чтобы посмотреть на самолет, потом захотели пройти по опушке Аэропортовского сада. Но глубокий снег не дал нам возможности далеко отойти от наезженной дороги, мы быстро устали и сели отдохнуть. И в этот момент услышали негромкий писк, а затем увидели рядом на ветвях маленьких беловатых черноголовых птичек. Они деловито осматривали ветки и копошились в кедровых лапах.

Когда Ким назвал их «слепышами», невольно захотелось поймать руками этих забавных птичек. Я тут же прополз по глубокому снегу к молодому кедру с намерением схватить «слепыша». Не тут-то было! Птичка близко не подпускала. Появилось недоумение: как это она без глаз и видит?

Через несколько дней после этой встречи недалеко от дома в еловой роще на снегу мы нашли мертвого «слепыша». Как погибла птичка, мы не знали, зато я помню, что сразу стал рассматривать ее голову и обнаружил, что есть у нее глаза, но они черные и на фоне черной шапочки издали почти незаметны. И сразу стало ясно, отчего пошло это местное название. Настоящее научное название

«слепыша» — буроголовая гаичка. Есть у нее и другое распространенное название: синица-пухляк.

Среди мелких лесных птиц пухляк принадлежит у нас к наиболее оседлым. Осенью, когда все синицы начинают кочевать, у пухляков в этих перемещениях принимают участие только молодые и одинокие, а пары, которые гнездились первый год, уже никуда не улетают из родных урочищ. Оставшись на зиму, они обычно далеко от мест гнездований не улетают, и каждый день, совершив облет урочищ, возвращаются ночевать в дупло.

Без пухляка зимой леса, особенно расположенные на севере по р. Казыму или на востоке по Ваху, были бы пустынными. Зайдешь в такой январский лес днем и чаще всего первым живым голосом в нем будет писк пухляков. При шуме ветра его услышишь только

с близкого расстояния, а в морозной тишине и издали. В зимнюю пору это чаще всего характерный для «слепыша» двухсложный звук «чиж-чиж».

Двухсложный хриловатый звук у пухляка является, как у многих других птиц, контактным, сближающим. Постоянно повторяя его, пара синичек в самых густых ветвях темнохвойного леса чувствует себя связанной и поэтому часто, не видя друг друга, птички двигаются в одном направлении. Стоит одному из пары замолчать, как второй начинает настойчиво повторять этот призыв. Если контактные звуки пухляков понятны только им во всех тонкостях, то звуки тревоги, протяжный писк понятны и другим птицам, и даже лесным зверям. Нередко бывает, что маленькая незаметная птичка, первой увидев охотника, подает свой тревожный сигнал, и зверь или убегает, или затаивается. Охотнику же остается удивляться, куда он подевался.

Кроме этих звуков, у пухляков есть еще коротенькие весенние брачные песни. Одна свистовая, другая «булькающая». Эти песенки в теплые зимы могут прозвучать и в январе, но наиболее часто они раздаются в марте.

В солнечные дни, когда мороз еще хорошо прижигает лицо, взлетит на самую верхушку ели или пихты пухляк и оттуда зазвучит над таежным урочищем простая песенка: «пии, пии, пии». Певец как будто доказывает застывшему лесу, что жизнь продолжается.

Однако главное назначение этой песенки — привлечь внимание самочки, чтобы она почувствовала, что есть такой певец, который готов с ней разделить все тяготы семейной жизни. По этой песенке, если самец молодой и одинокий, самочке легко его найти и составить пару. Если пара старая, то самочка, слушая песенку, далеко не улетает и находится рядом со своим супругом; кроме того, таким поведением предупреждаются другие соперники.

В апреле пары гаичек, как старые, так и новые перестают кочевать по лесу табунками и приступают к строительству гнезд. Среди синиц пухляки единственные дупло строят сами. Кочуя по лесу, они выбирают старые березовые пни с гнилой древесиной. Найдя такой пенек или ствол, постукают клювами и по звуку определяют его пригодность к постройке. Затем осмотрят со всех сторон, нет ли где щели в крепкой коре, чтоб легче было начинать. Чаще всего началом служат старые темные углубления от клювов. Отщипывая кусочки коры и гнилушки, гаички уносят их недалеко от дупла. В отличие от других синиц они работают вместе, постоянно перекликаясь тихими голосами. Именно такую пару, занятую постройкой дупла, описал М. Пришвин в одном из своих коротких рассказов.

Обычно пухляки сразу начинают строить два-три дупла, затем по мере углубления их определяют наиболее «мягкое» и сосредоточивают все усилия на нем. Через 10-15 дней дупло бывает готово, в нем за 2-3 дня вьется гнездо из чешуек бересты или сосновой коры. Наконец, в мае оно бывает готово и в этом же месяце в нем появляется полная кладка из 6-7 яиц.

Своих птенцов гаички стараются кормить различными нежными гусиницами, личинками, пауками. Сами же поедают жуков с крепкими надкрыльями, кладки яиц в прочных коконах и галлах, а с августа — различные семена. Из семян предпочтение отдают хвойным. Очень любят кедровые орешки, но так как клюв у них слабый, выбирают треснутые.

Пухляки, предчувствуя недостаток кормов зимой, с осени, как и синицы-московки, и поползни, запасают семена. В сентябрьские дни постоянно приходится наблюдать, как эти маленькие птички, облюбовав какую-нибудь пихту и тихо попискивая, по нескольку минут поочередно вытаскивают за крылышки мелкие семена и тут же прячут. На это у них уходит много времени, но зато они себя обеспечивают резервным кормом на зиму, когда за короткий день трудно найти достаточное количество насекомых.

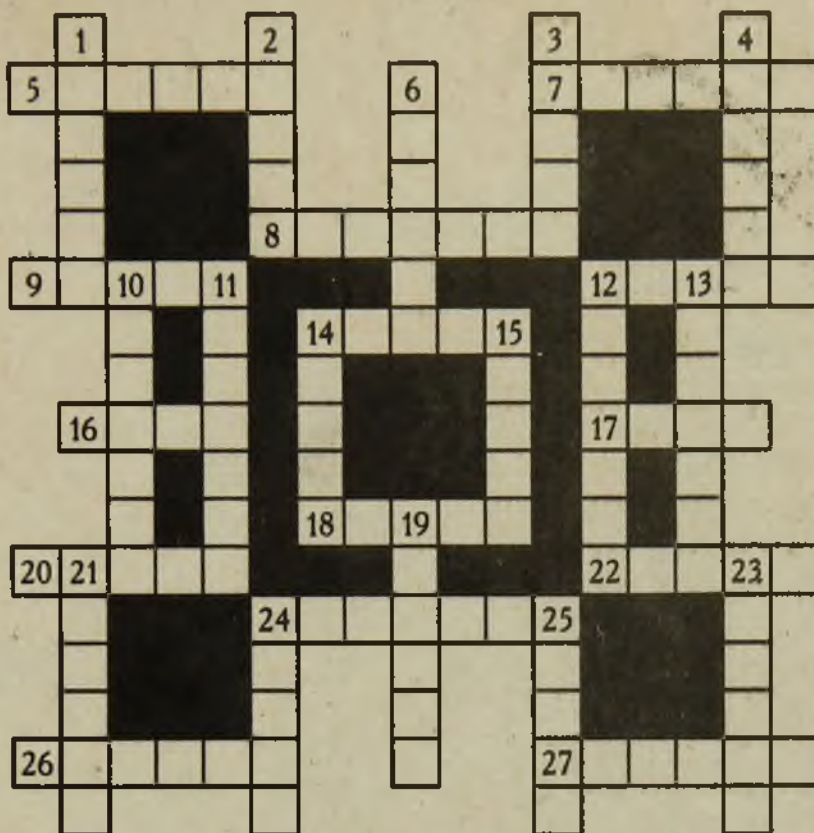
Припрятывая большое количество семян, пухляки, естественно, не запоминают всех мест и их запасами пользуются другие синицы и поползни, кочующие вместе с ними по лесу. Запасание семян — черта, характерная для этих синиц, у них даже молодые, только что вступившие в самостоятельную жизнь, занимаются этим.

Сентябрь — пора синичьих кочевок, в которые включаются молодые пухляки. С рассветом птички, перекликаясь, отправляются табунок за табунком в путь. К ним обычно присоединяются большие синицы, москочки, поползни и даже дятлы. Путешественники довольно быстро двигаются по лесу в юго-западном направлении и вдруг перед ними открытое поле или река. Страх охватывает таежных птичек. По нескольку раз взлетают они на своих коротких крылышках, подбадривая себя постоянным писком, пока решатся перелететь открытое пространство, но стоит увидеть даже вдали тень ястреба, как они со страхом падают вниз. В такие минуты синицы садятся на палубы и мачты проходящих судов и замирают. Один раз пришлось наблюдать у села Нялино, как они, увидев ястреба, попадали на людей, стоящих на огороде.

Кончаются кочевки, и оставшиеся гаички ведут свои спокойные дневные путешествия, оживляя леса всю долгую зиму. Просыпаются они рано, и это обыкновение сохраняют и весной, когда день длинный. Эту особенность заметили охотники на глухарей и определяли в майские утра: как только пискнет в темноте синичка, так и глухарь проснется и начнет свой ток.

Фото автора

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Одежда из оленьих шкур. 7. Ветер разрушительной силы. 8. Первоначальное название поселка Кондинское. 9. Определение холода у хантов. 12. Длинные и узкие бани для езды на оленях и собаках. 14. Амбар на сваях у хантов. 16. Большое крестьянское поселение с церковью. 17. Род народно-поэтического сказания, повествования. 18. Длинная веревка с затягивающейся петлей на конце для ловли оленей. 20. Небольшой магазин. Это название на территории округа ввели русские купцы. 22. Народность угро-финской языковой группы, живущая в Ханты-Мансийском автономном округе. 24. Болотный гнус. 26. Известный полярник, кандидат географических наук. 27. Род, из которого вышел национальный герой ненецкого народа Ваули Пиеттомин.

По вертикали: 1. Полуземляное жилище у хантов. 2. Посредник между людьми и духами некоторых северных народов. 3. Род зимних сапог. 4. Ископаемое животное семейства слонов с длинной шерстью и большими загнутыми бивнями. 6. Помещение ниже уровня земли для хранения продуктов. 10. Хантыйский художник. 11. Болотная ягода. 12. Наиболее распространенный хантыйский струнный музыкальный инструмент. 13. Герой детской повести Л. Лагунова, путешествующий по тюменскому Северу. 14. Отлогое место близ берега реки. 16. Трясина, легкий почвенный слой на заболачивающихся озерах, реках. 19. Поперечина из сгнившего дерева на дне лодки. 21. Вид зимней одежды у северных народов, особенно распространенный в Якутии. 23. Центр области, в состав которой входит Ханты-Мансийский автономный округ. 24. Лесная фея в хантыйском фольклоре. 25. Хантыйская кукла.

Составила И. Шевелева.

Ответы на загадки номера:

- стр. 45 — дым,
- стр. 47 — иголка,
- стр. 49 — ручка котла,
- стр. 51 — огонь.

